

**БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА**

XI Путилинские чтения

**Сборник материалов
Всероссийского круглого стола
28–29 мая 2025 г.**

**Белгород
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
2025**

УДК 008
ББК 67.3
П 90

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина

Выпускается с 2015 года

П 90 XI Путилинские чтения : сборник материалов Всероссийского круглого стола, 28–29 мая 2025 г. – Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2025. – 89 с.
ISBN 978-5-91776-641-6

Редколлегия:

Александров А.Н., начальник института, кандидат юридических наук, доцент (председатель);

Дизер О.А., заместитель начальника института по научной работе, доктор юридических наук, доцент (заместитель председателя);

Киданова Н.Л., старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат экономических наук (ответственный секретарь);

Чесовская М.Г., начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат исторических наук, доцент;

Таранова А.Е., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат социологических наук, доцент.

В сборнике представлены научные статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и гражданского общества на различных исторических этапах.

Предназначен для курсантов, слушателей, адъюнктов, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 008
ББК 67.3

ISBN 978-5-91776-641-6

© Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина, 2025

ВОСТОЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К БОЕВЫМ ИСКУССТВАМ

Войнов П.Н.,

кандидат социологических наук, доцент;

Войнова Я.В.

(Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации)

Аннотация: в данной статье рассматриваются и анализируются философские взгляды на восточные боевые искусства в контексте понимания практики их распространения под влиянием различных мировых культур. Акцентируется внимание на истории, культуре и этикете боевых искусств, которые различаются по форме и технике проявления. Раскрываются глубина и широта многообразия искусств, к которым может быть применен термин «боевые».

Ключевые слова: боевые искусства, междисциплинарный подход, исследования, культура, философия, развитие.

EASTERN PHILOSOPHY AND ITS RELATION TO MARTIAL ARTS

Voynov P.N.,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor;

Voynova Ya.V.

(Lugansk Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation)

Abstract: this article examines and analyzes philosophical views on oriental martial arts in the context of understanding the practice of their dissemination under the influence of various world cultures. The article focuses on the history, culture and etiquette of martial arts, which differ in form and technique of manifestation. It reveals the depth and breadth of the variety of arts to which the term "martial" can be applied.

Keywords: martial arts, interdisciplinary approach, research, culture, philosophy, development.

Согласно общепринятому представлению боевое искусство можно рассматривать как вид единоборства, представляющий собой традиционную восточноазиатскую форму борьбы или самозащиты. Однако такое определение не отражает всей глубины и широты многообразия искусств, к которым может быть применен термин «боевые». Боевые искусства, как правило, имеют свою собственную историю, культуру и этикет, которые различаются по форме и технике проявления. Однако если их можно рассматривать как всеобъемлющий ритуал, то есть как ключ к микросоциологии, которая является своеобразным

проводником к гораздо большему, то исследования, которые фокусируются на мотивах занятия боевым искусством, а также преимущества, которые дает такая деятельность, будут одновременно ценными и содержательными.

Что касается здоровья и хорошего самочувствия, то существует множество исследований, в которых рассматриваются преимущества различных видов боевых искусств в таких областях, как уверенность в себе, осанка, гибкость и стрессоустойчивость [1; 2; 3]. Стоит отметить, что боевыми искусствами занимаются люди всех возрастов, следовательно, такое разнообразие делает их интересным объектом для исследований.

Тем не менее, насколько нам известно, исследования о пользе боевых искусств для здоровья и социальной сферы, как правило, носят маломасштабный и специфический характер и чаще всего проводятся в рамках определенного академического и дисциплинарного дискурса, такого как здравоохранение. Необходимо устранять этот пробел, применяя междисциплинарный подход к таким исследованиям. Исследуя мотивы, преимущества и предполагаемые результаты занятий боевыми искусствами с точки зрения тех, кто принимает в них участие, отметим, это широкомасштабная деятельность с применением смешанных методов, которая вносит значительный вклад в изучение области здоровья и благополучия, причем инновационным и увлекательным способом.

Несмотря на то что боевые искусства существовали на протяжении тысячелетий в таких странах, как Древний Египет и Греция, существует определенный консенсус в отношении того, что наиболее устойчивые его виды относятся в первую очередь к ранней китайской истории. Китайское общество и, следовательно, боевые искусства и их практика вызывают большой интерес.

Ученые предполагают, что боевые искусства начинают свою историю в глубокой древности. Древнекитайскую военную подготовку можно рассматривать как отчетливое слияние с ключевыми философскими основами даосизма и чань-буддизма, которые трансформируются из простых приемов самообороны в широкий спектр практик, направленных на самосовершенствование и личностное благополучие. Отмечается, что одно из самых ранних зафиксированных упоминаний о боевых искусствах было связано с чем-то большим, чем просто с системой защиты. Свидетельство этого содержится в записи разговора между королем древнего государства Юэ и женщиной-воином, в котором прослеживается четкая связь с боевыми искусствами.

Стоит отметить, что, несмотря на исторические связи, в даосской и буддийской философиях существуют разногласия относительно того, имеют ли эти идеи непосредственное отношение к боевым искусствам. Исследователи не приходят к общему мнению относительно философии боевых искусств, подчеркивая сложность выявления различий между философией, религией и этикой. Это хорошо отражает более широкую и обобщенную область научных исследований, где, возможно, об абсолютном единстве почти не слышно. Тем не менее предполагается, что ключевые идеи, будь то философские, религиозные или этические, в значительной степени лежат в основе образа жизни и культуры на Востоке. Новое тысячелетие ознаменовано все более взаимосвязанным миром, создающим возможности для обретения общего смысла и осознания

сходства между людьми, сообществами и культурами, которые ранее были разделены расстоянием и идеологией. Это означает, что мир, в котором все больше взаимосвязей, также предлагает возможности для обмена идеями и практикой, в том числе в сфере досуга и образа жизни. В этой связи важно учитывать как сходства, так и различия в данной сфере, поскольку аналогичные практики существуют, например, в Китае и Северной Америке. Вероятно, это связано с тем, что различные философии и убеждения будут влиять не только на саму практику, но и на восприятие того, как и почему она является такой, какая есть, и каковы ее преимущества. Отчасти это объясняется тем, что сам по себе досуг может рассматриваться по-разному в зависимости от культурного и географического контекста. Однако понимание практики проведения досуга применительно к наиболее популярным боевым искусствам происходит под влиянием различных культур в зависимости от индивидуальной точки зрения.

Появляется все больше мнений о том, что боевые искусства – это вид досуга, который непосредственно поддерживает чувство благополучия. В сложившейся практике не так много попыток установить связь между философскими идеями, лежащими в основе боевых искусств, здоровьем и благополучием. Тем не менее, поскольку многие популярные боевые искусства действительно зародились в Азии, стоит рассмотреть, по крайней мере, в самом широком смысле философские воззрения, сопряженные именно с оздоровлением, лежащие в основе некоторых идей, связанных с единоборствами.

Идеи, связанные с даосизмом и чань-буддизмом, – это те, которые легче всего согласовать с представлениями о хорошем самочувствии [4, с. 611]. Японские боевые искусства, такие как дзюдо, каратэ, кендо и айкидо, основаны на понятиях спокойствия. Для тех, кто занимается этими видами искусств, кто видит в них нечто большее, чем просто спорт, более глубокие философские аспекты имеют решающее значение для изучения техники данных единоборств. Например, бусидо учит людей понимать природу своего ума, чтобы обрести покой и самообладание. Техники, необходимые для суровых азиатских боевых искусств, в буддизме были особенно важны для формирования представлений о жизнестойкости. Это, пожалуй, неудивительно, учитывая, что данные представления, по сути, сосредоточены на осознанности, выражаясь популярным современным языком.

Эти методы, хотя еще и не получили четкого понимания или существенного подтверждения в научной литературе по здравоохранению, все же оказывают влияние на конкретное состояние здоровья. Например, если обучение контролю над разумом и эмоциями является фундаментальным принципом бусидо, то интуитивно понятно, как и какими способами это делается, следовательно, такая практика может быть полезна для повседневного здоровья и самочувствия.

Действительно, как уже отмечалось ранее, появляется все больше эмпирических данных о пользе занятий боевыми искусствами для физического здоровья. Например, в соответствующем исследовании, в котором приняли участие 200 человек со средним возрастом 70 лет, результаты показали, что занятия каратэ улучшили внимание, устойчивость и время двигательной реакции [2, с. 758].

В другом исследовании приняли участие 456 человек в возрасте старше 60 лет, которые в течение шести месяцев обращались в отделение неотложной помощи в больнице в результате падений. Целью данного исследования было изучение влияния занятий тайцзицюань на частоту дальнейших падений. В результате было обнаружено, что в экспериментальной группе занимающихся наблюдались статистически значимые положительные различия в частоте падений [1, с. 523].

Однако, несмотря на растущее количество данных, отмечается, что некоторые из методов, лежащих в основе опубликованных исследований, недостаточно точны. В качестве более обнадеживающей ноты можно сказать, что наводящие на размышления темы, возникающие в результате попытки систематического анализа опубликованных исследований, действительно указывают на преимущества, и таким образом подчеркивается необходимость проведения дополнительного изучения.

Тем не менее существует гораздо более обширная исследовательская база в пользу боевых искусств «мягкого стиля». Эти боевые искусства чаще всего связаны более с внутренними процессами, чем с внешними. Даосизм наиболее тесно связан с кунг-фу и тайцзицюань и представляет собой философский подход, который устанавливает явные связи между природой и человеческим телом. Практики в этих стилях разработаны таким образом, чтобы отражать ритм природы, поэтому связь со здоровьем и благополучием интуитивно понятна. Например, в основе всего лежит понятие Инь и Ян. Инь и Ян соотносятся с идеями взаимодополняющих сил, необходимых для жизни. В данном случае дополняющий означает противоположный. Чтобы проиллюстрировать, что для того, чтобы что-то стало известно, это сначала нужно увидеть в сравнении с чем-то другим. Например, можем ли мы узнать, что такое счастье, не испытывая грусти? Смогли бы мы осознать, что такое тьма, если бы не контраст со светом? Тот факт, что одно не может существовать без другого, является основополагающим принципом даосизма. Ци – это материальная (энергетическая) сила, с помощью которой проявляются Инь и Ян. Влияние даосизма на эти боевые искусства наиболее заметно в их практике, которая направлена на генерирование Ци с помощью движений и форм, повторяющих принципы Инь и Ян. Следовательно, практика, основанная на этих принципах, естественным образом укрепляет здоровье и благополучие, поскольку основное внимание уделяется повышению физической активности и самосознания.

Исследования, проведенные с участием 120 здоровых пожилых людей в Китае, которые посещали занятия тай-чи три раза в неделю в течение около года, в большинстве случаев показали улучшение памяти и интеллекта в результате социального взаимодействия, которое было частью подготовки [5, с. 489]. В других исследованиях подчеркиваются преимущества теории поведения, связанные с уровнями тревожности и депрессии, а также с управлением болью [4, с. 606]. Однако все эти результаты исследований в значительной степени сосредоточены на установлении причинно-следственных связей между практикой и результатом.

Мы считаем, что использование этих обширных азиатских философских идей также полезно для размышлений о природе исследований или о том, как

мы приходим к выводам о том, что считаем важным. Древнекитайский философ Чжу Си, писавший более 900 лет назад и наиболее известный своими работами в области неоконфуцианства, предполагает, что любому действию должна предшествовать мысль (намерение), то есть идея что-то сделать. Используя этот принцип на более поверхностном уровне как ключевой момент, стоит немного подробнее изучить, как и каким образом он помогает обеспечить дополнительную важную основу не только для понимания действий людей, но и фундаментальных предпосылок процесса проведения исследований в данной сфере. Чжу Си, будучи убежденным сторонником конфуцианских идеалов, твердо отстаивал важность самосовершенствования. Таким образом, хотя он и считал эффективное управление ключом к развитию общества, но не верил, что это должно быть достигнуто ценой недостаточного внимания к личностному развитию. Для Чжу Си саморазвитие, самосовершенствование и учеба были самым очевидным способом достичь «подлинности», но без учителя невозможно найти и обрести в своем теле то, что делает человека «существом наиболее редким».

Таким образом, самосознание как в теле, так и в разуме было ключом к саморазвитию, к «завершенности», однако оно было бы невозможно без руководства, которое осуществляется только через обучение. С исследовательской точки зрения ясно, что, только посвятив себя изучению вещей, можно расширить имеющиеся знания. Именно эти идеалы обеспечивают более глубокую философскую основу для самосовершенствования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Hwang, H.F.; Chen, S.Y.; Lee-Hsieh, J.; Chein, D.K.; Chen, C.Y. and Lin, M.R., (2016), Effects of Home-Based Tai Chi and Lower Extremity Training and Self-Practice on Falls and Functional Outcomes in Older Fallers from the Emergency Department – A Randomised Control Trial, *Journal of the American Geriatrics Society*, 64(1): 518–525.

2. Mortimer, J.A.; Ding, D.; Borenstein, A.R.; DeCarli, C.; Guo, Q.; Wu, Y.; Zhao, Q. and Chu, S., (2012), Changes in Brain Volume and Cognition in a Randomized Trial of Exercise and Social Interaction in a Community-Based Sample of Non-Demented Chinese Elders, *Journal of Alzheimer's Disease*, 30(4): 757–766.

3. Wang, J. and Stringer, L.A., (2000), The Impact of Taoism on Chinese Leisure, *World Leisure Journal*, 42(3): 33–41.

4. Wang, F.; Lee, E.K.; Wu, T.; Benson, H.; Fricchione, G.; Wang, W. and Yeung, A.S., (2014), The Effects of Tai Chi on Depression, Anxiety and Psychological WellBeing: A Systematic Review and Meta-Analysis, *International Journal of Behavioural Medicine*, 21(4): 605–617.

5. Witte, K. and Böckelmann, I., (2016), Comparing the Effectiveness of Karate and Fitness Training on Cognitive Functioning in Older Adults – A Randomized Control Trial, *Journal of Sport and Health Science*, 5(4): 484–490.

ФЕНОМЕН ПЕРЕХОДНЫХ ПЕРИОДОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ

Волобуева Н.Д.,

адъюнкт

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности феномена переходности в контексте исторических эпох. Обосновывается сущность и значение историко-правового и компаративистского подходов в исследованиях гуманитарного и теоретико-правового характера.

Ключевые слова: право, переходные периоды, феномен, историческая эпоха.

THE PHENOMENON OF TRANSITIONAL PERIODS IN HISTORICAL ERA

Volobuyeva N.D.,

Postgraduate

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the article examines the features of the phenomenon of transition in the context of historical eras. It substantiates the essence and significance of the historical and legal approach and the comparative approach in studies of a humanitarian and theoretical-legal nature.

Keywords: law, transitional periods, phenomenon, historical era.

Интерес к судьбе государства и права, а также их потенциалу неизменно волновал умы философов, правоведов и других видных деятелей науки всех времен и народов. В эпоху стремительно меняющейся мировой ситуации этот интерес усиливается вдвойне. На долю нашей страны выпало немало уроков истории, наполненных крупными переломами, тяжелыми испытаниями и радикальными потрясениями, поэтому вопросы о складывающихся тенденциях правовой модели государства представляются крайне важными для понимания многих феноменов и процессов современной политико-правовой жизни.

Государство и право представляют собой автономно существующие, но при этом тесно связанные друг с другом смысловые конструкции. Государство осуществляет свою власть посредством правовых норм, а для права государственная власть является источником, определяющим его содержание. Для многих такое представление государства и права традиционно, однако оно не более чем поверхностно, поэтому лишает вышеуказанные категории их подлинной глубины, рассыпая на сугубо юридические абстракции.

Сегодня обстановка в мире накалена до предельного значения, но вести речь о том, что такая ситуация в скором времени не трансформируется в наиболее стабильное состояние, однобоко. Мир немыслим без перманентных изменений, мир – это вечная динамика. Еще древние греки на этот счет говорили «panta rei», что в переводе значит «все течет». Поэтому рано или поздно многие государства начнут стремиться к миру и взаимовыгодному консенсусу. На эту неизбежность указывает В.И. Ленин, говоря, что «есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила – общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами».

Обращение к истории российского государства и права, преодолевшей сложный тысячелетний путь, во многом позволяет отойти от традиционного видения современных государственно-правовых проблем. Государство и право невозможно исследовать в статике, поскольку их генезис исторически обусловлен существованием динамичного социокультурного пространства.

Слово «переходный» указывает на особенность периода и на его своеобразие, непохожесть на другие исторические периоды, а понятие «период» – на повторяемость процессов в истории, их временность.

В истории российской государственности примерами переходных исторических эпох является переход от древнерусского государства к империи, от империи к социализму, от советского периода к постсоветскому.

В традиционном для многих видении переходные исторические эпохи в большей степени ассоциируются с концепцией общественно-экономической формации, основоположниками которой являются К. Маркс и Ф. Энгельс. Согласно данной концепции феномен переходных периодов означает конец существования одной общественно-экономической формации или культуры, перетекающий в начало и становление новой формации. Однако мы не будем ограничиваться положениями марксистской концепции, поскольку на сегодняшний день в научной среде существует множество различных подходов, посвященных изучению сущности феномена переходного периода.

По мнению Г.В.Ф. Гегеля, форма перехода от одного качественного состояния к другому является скачком, свидетельствующим о том, что существовавшая прежде мера нарушена и достигается новая мера с иным качественным содержанием.

Отдельные элементы переходных исторических периодов в своих трудах рассматривает Г.А. Дидерика, который анализирует процессы социальной мобильности в условиях исторической социокультурной переходности.

Н.И. Конрад говорит о теории переходных периодов с точки зрения темпорального аспекта, предвидя неразрывную связь феномена переходности с временным измерением, поскольку конец одного большого этапа вливается в начало другого, начало нового этапа вытекает из последней стадии прежнего.

Можно выделить следующие характерные черты переходных периодов в контексте исторических эпох. Как правило, наступление переходного этапа часто сопровождается кризисом, революцией, переворотом, что в результате приводит к отмиранию тех элементов государственно-правовых идей и инсти-

тутов, которые перестают отвечать новым требованиям действительности. На фоне разрушения старых государственно-правовых порядков начинают вызревать новые, юридически незрелые компоненты государственно-правовых систем. События исторически переходного, зачастую революционного, экстраординарного характера во многом сопровождаются хаосом и анархией в сознании людей, так как многие просто перестают воспринимать окружающий мир в таком виде, в котором он традиционно существовал. С одной стороны, возникает непреодолимая жажда перемен, с другой – боязнь формирования новых социальных порядков.

В наши дни часто злоупотребляют одновременно философской, но вместе с тем довольно обыденной фразой: «мир никогда не будет прежним», подразумевая под этим некую ограниченность или вовсе невозможность адекватного международно-правового регулирования в условиях современной напряженности. Этот пример ярко демонстрирует профанное мышление, которое довольно часто превалирует над научным. Об этом говорит К.Е. Сигалов, указывая в своих трудах, что «ряд так называемых историков часто генерализируют профанное восприятие действительности в угоду сиюминутной политической конъюнктуре».

Современная наука, действительно претендуя на эталон истинности, логичности и объективности, будет развиваться независимо от многих политических решений, ориентируя нас на комплексное изучение политико-правовой картины мира зарубежных стран и призывая к неизбежному налаживанию международного сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Исаев И.А. История государства и права России: учебник. – 4-е изд., стер. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 800 с.
2. Рыбаков В.А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2019. – 351 с.
3. История отечественного государства и права: учебник для студентов образовательных учреждений СПО / С.Н. Смирнов, Е.В. Мельник, Н.В. Михайлова [и др.]. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – 383 с.
4. Сигалов К.Е. Становление права во времени // Пространство и Время. 2011. № 4(6). С. 104–112.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЦИИ В 1880-Х ГОДАХ

Вородюхин С.Е.,

кандидат исторических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: важной составной частью отечественной истории государства и права является история органов внутренних дел. Соответственно, чтобы понять современную систему правоохранительных органов, нужно знать, как они возникли, какие основные этапы прошли в своем развитии, какие причины влияли на их образование, становление, развитие, изменение формы и содержания. История во все времена имела не только познавательное, но и практическое значение. Еще древние римляне говорили: «История – учитель жизни». Сегодня это изречение приобретает особенно актуальное значение. Можно без преувеличения сказать, что без глубокого знания истории, без овладения накопленным человеческим опытом нельзя решать сложные современные задачи во всех сферах общественной жизни, в том числе и в сфере охраны правопорядка, борьбы с преступностью. Актуальность и значимость данной тематики обуславливается и тем, что организация эффективной борьбы с преступностью невозможна без учета исторического опыта борьбы с правонарушениями.

Ключевые слова: органы внутренних дел, полиция, полицейские функции, судебные функции, правонарушение.

POLICE REFORM IN 1880-KH

Vorodyukhin S.E.,

Candidate of Historical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: an important component of the national history of the state and law is the history of internal affairs agencies. Accordingly, in order to understand the modern system of law enforcement agencies, it is necessary to know how they arose, what main stages they passed in their development, what reasons influenced their formation, formation, development, change of form and content. History at all times had not only educational, but also practical significance. Even the ancient Romans said: «History is the teacher of life». Today, this saying is especially relevant. It can be said without exaggeration that without a deep knowledge of history, without mastering the accumulated human experience, it is impossible to solve complex modern problems in all spheres of public life, including in the field of law enforcement, the fight against crime. The relevance and significance of this topic is also due to the fact that the organization of an effective fight against crime is impossible without taking into account the historical experience of fighting offenses.

Keywords: internal affairs bodies, police functions, squad, judicial functions, offense.

В 1880-х годах были введены новые правила, направленные на повышение профессионализма полицейской службы и устанавливающие более строгие требования при приеме на службу. Кандидаты на полицейские должности должны были быть русскими подданными православного вероисповедания, не моложе 25 лет, физически развитыми, с хорошим здоровьем и достаточно образованными. Некоторым категориям лиц было прямо запрещено поступать на службу в полицию, в том числе:

- лицам, находящимся под следствием или судом, а также ранее осужденным за преступления, наказуемые тюремным заключением или более строгими наказаниями;

- военнотружущим запаса, имевшим взыскания во время прохождения действительной службы;

- лицам, исключенным из службы по решению суда, отстраненным за моральный проступок от должности священнослужителя или исключенным из профессиональных обществ;

- объявленным несостоятельным должником;

- лицам, переданным под опеку за безрассудное поведение или финансовую безответственность.

Обязанности полицейских были четко определены. Они должны были выявлять и предотвращать преступления, сообщать о них в судебные органы и помогать судебным следователям, выполняя их указания [2, с. 336–339]. Кроме того, полицейские были наделены правом проводить предварительное расследование. Это предполагает расследование преступлений сразу после их совершения (по горячим следам) с помощью розыскных процедур, направленных на установление личности подозреваемых и сбор доказательств их вины. Эти реформы ознаменовали собой продолжение усилий по модернизации правоохранительной системы, однако сохраняющиеся структурные и правовые недостатки означали, что в ближайшие годы система будет нуждаться в дальнейшей доработке.

Согласно Уставу о предупреждении и пресечении преступлений «...уличенные в бродяжничестве для прошения милостыни должны забираться местной полицией без всякого притеснения, но с осторожностью и человеколюбием и препровождаться в их селения и города для надлежащего призре-ния».

В гражданском судопроизводстве обязанности полиции состояли во вручении повесток, в исполнении приводов, оказании содействия судебным приставам при исполнении решений:

- если внешние двери дома заперты либо не открывают дверей внутренних помещений;

- если арест имущества производится в отсутствие должника;

- чтобы обеспечить правопорядок на аукционах по продаже имущества.

В соответствии с различными законодательными актами на полицию возлагался широкий круг обязанностей, выходящих далеко за рамки предупреждения преступности и охраны правопорядка. Эти обязанности охватывали здравоохранение, городское планирование, налогообложение и социальный порядок, что отражало многогранную роль полиции в поддержании государственного контроля и управления.

Полицейские отвечали за соблюдение правил общественной гигиены, которые включали в себя:

- контроль за чистотой улиц, площадей и дворов;
- обеспечение качества и безопасности продуктов питания, продаваемых на рынках и в магазинах;
- выдачу разрешений на приобретение ядовитых веществ и надзор за их продажей во избежание злоупотреблений.

Важнейшим аспектом полицейских обязанностей был строгий надзор за соблюдением правил проживания. Полицейские должны были следить за тем, чтобы:

- ни один человек не проживал в городе без надлежащих документов;
- никто не жил с незаконным или просроченным разрешением;
- все жители имели официальную регистрацию по месту жительства.

Полиции было поручено следить за соблюдением налоговых законов, связанных с потреблением алкоголя.

В их обязанности входило:

- контроль за соблюдением владельцами таверн и продавцами алкоголя правил взимания налога на пиво;
- поддержание общественного порядка в питейных заведениях;
- предотвращение продажи фальсифицированных или вредных алкогольных напитков для сохранения здоровья населения [3, с. 110].

Для обеспечения упорядоченного развития городов и безопасности строений полицейские должны были следить за соблюдением строительного законодательства, а именно:

- предотвращать несанкционированное строительство или капитальные изменения зданий без официального разрешения;
- наблюдать за тем, чтобы все здания соответствовали утвержденным архитектурным планам;
- принимать меры безопасности для предотвращения несчастных случаев и разрушения конструкций.

Помимо этих специальных обязанностей, на полицию также возлагались различные административные функции и функции по обеспечению безопасности, в том числе:

- распространение правительственных указов и официальных распоряжений;
- доставка уведомлений и повесток от властей;
- предотвращение и разгон несанкционированных собраний для поддержания общественного порядка;
- проведение расследований внезапных или подозрительных смертей;

- пресечение незаконной игровой деятельности;
- проведение профилактических и экстренных мероприятий по борьбе с пожарами, инфекционными заболеваниями и массовым падежом скота.

Эти обширные обязанности иллюстрируют глубоко интегрированную роль полиции в регулировании многих аспектов повседневной жизни – от здравоохранения до городского планирования и налогообложения. Однако столь широкий круг обязанностей также способствовал возникновению проблем, с которыми сталкивались правоохранительные органы, поскольку их функции выходили далеко за рамки борьбы с преступностью и распространялись на сферу гражданского управления и общественного благосостояния [3, с. 111].

По приговорам судов полиция осуществляла гласный надзор, а в соответствии с Положением о негласном полицейском надзоре, утвержденным 1 марта 1882 года, и негласный. Негласный надзор был мерой превентивной и производился по указанию Департамента полиции, в том числе и по представлениям местных органов.

Сведения о поднадзорных доставлялись чинами общей полиции, пунктовыми жандармскими унтер-офицерами, а также агентами наружного и внутреннего наблюдения и сосредотачивались в жандармском управлении, где велся учет лиц, состоящих под негласным надзором.

В 1883 году министр внутренних дел Д.А. Толстой добился внесения изменения в Положение от 14 августа 1881 г., дававшее праву министру внутренних дел в административном порядке высылать любое лицо, «признаваемое вредным для государственного порядка и общественного спокойствия». Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия постоянно продлевалось и действовало до 1917 года.

В нормативном акте «Учреждение Министерства внутренних дел» 1892 г. определялась структура МВД: 1) министр, 2) товарищ министра, 3) Совет министра, 4) Главное управление почт и телеграфов, 5) Главное управление по делам печати, 6) Главное тюремное управление, 7) Департамент полиции, 8) Департамент хозяйственный, 9) Департамент духовных дел иностранных исповеданий, 10) Департамент медицинский, 11) Департамент общих дел министерства, 12) Земский отдел и 13) Канцелярия министра [1, с. 116].

Таким образом, история полиции Российской империи – это история политической полиции и история общей полиции. И лишь с созданием Министерства полиции (1811), а главное, III Отделения Императорской канцелярии (1826) сложилась единая общероссийская система органов полиции. Еще один момент, требующий акцента: российская полиция сохраняет практически постоянно широкий круг полномочий для воплощения такого же объема компетенций. Вначале, в момент зарождения регулярной полиции, это объяснялось тем, что само государство носило характер полицейского, а полиция как «душа гражданства» должна была регулировать все стороны не только общественной, но и личной жизни подданных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахмедов Ч.Н. Организационно-правовые основы деятельности полиции как структурно-функционального элемента правоохранительной системы Российской империи во второй половине XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4(28-2). С. 115–119.
2. Иванов П.И. История зарождения и становления уголовного сыска в России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 336–339.
3. История органов внутренних дел. Часть 1: учебник / В.А. Лысенко, О.В. Котарева, С.Е. Вородюхин [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2025. – 208 с.

УДК 329.3

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО ВСЕЛЕНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Долин В.А.,

кандидат философских наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: признание Синодом Константинопольского патриархата в октябре 2018 года автокефалии Православной церкви Украины становится началом кризиса современного вселенского православия. Кризисная ситуация требует изучения актуального состояния и перспектив современного вселенского православия. Для описания актуального состояния современного вселенского православия осуществлен хронологический обзор основных решений Русской православной церкви в ответ на недружественную политику Константинопольского патриархата. Оценка перспектив современного вселенского православия опирается на учет церковно-политических и геополитических аспектов кризиса. Автор приходит к выводу о нарастании угрозы вселенскому православию как духовному единству поместных церквей.

Ключевые слова: вселенское православие, кризис, Русская православная церковь, Православная церковь Украины, Патриарший экзархат Африки.

THE CRISIS OF CONTEMPORARY ECUMENICAL ORTHODOXY: REALITIES AND PROSPECTS

Dolin V.A.,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the recognition of the autocephaly of the Orthodox Church of Ukraine by the Synod of the Patriarchate of Constantinople in October 2018 marks the beginning of the crisis of contemporary ecumenical Orthodoxy. Crisis situation requires a study of the current state and prospects of modern ecumenical Orthodoxy. To describe the current state of contemporary ecumenical Orthodoxy, a chronological review of the main decisions of the Russian Orthodox Church in response to the unfriendly policy of the Patriarchate of Constantinople has been carried out. The assessment of the prospects of contemporary Ecumenical Orthodoxy is based on the consideration of the ecclesiastical, political and geopolitical aspects of the crisis. The author comes to the conclusion about the growing threat to ecumenical Orthodoxy as the spiritual unity of the local churches.

Keywords: ecumenical Orthodoxy, crisis, Russian Orthodox Church, Orthodox Church of Ukraine, Patriarchal Exarchate of Africa.

Предпосылкой кризиса современного вселенского православия становится возникший еще в начале 1990-х годов «украинский вопрос» во взаимоотношениях Константинопольского и Московского патриархатов [1]. Вопреки позиции и дипломатическим усилиям Русской православной церкви в конце 2018 года Синод Константинопольского патриархата принимает историческое решение, породившее кризисную ситуацию в современном вселенском православии, – 11 октября 2018 года объявлено, в частности:

- о начале процедуры признания автокефалии Церкви Украины;
- об отмене Синодального письма от 1686 года (о передаче Киевской митрополии в состав Московского патриархата).

15 декабря 2018 года в соборе Святой Софии в Киеве под председательством митрополита Галльского Эммануила (Адамакиса), экзарха Константинопольского патриарха, состоялся объединительный собор с участием клириков и мирян, в рамках которого митрополитом Киевским и всея Украины избран Епифаний (Думенко). Объединительному собору предшествует самороспуск двух признанных октябрьским синодальным решением Константинопольского патриархата раскольнических украинских православных организаций: «Украинской автокефальной православной церкви» (создана в 1920 году; воссоздана в 1989 году) и «Украинской православной церкви Киевского патриархата» (создана в 1992 году) [см. также: 2].

Намерение Константинопольского патриархата предоставить автокефалию украинской православной церкви становится реальностью 5 января 2019 года, когда константинопольский патриарх Варфоломей I подписывает

свидетельство (томос) об учреждении новой автокефальной церкви – Православной церкви Украины. 6 января 2019 года в соборе Святого Георгия (г. Стамбул, Турция) документ официально вручен митрополиту Киевскому и всея Украины Епифанию (Думенко).

В контексте событий октября 2018 г. – января 2019 г. повышается значимость изучения актуального состояния и перспектив современного вселенского православия.

Рассмотрение *актуального состояния современного вселенского православия* предполагает обзор ответных решений Русской православной церкви на недружественные действия Константинопольского патриархата.

Первый ответ Русской православной церкви следует незамедлительно: 15 октября 2018 года разорвано евхаристическое общение с Константинопольским патриархатом (т.е. введен запрет на совместные богослужения и литургическое упоминание имени константинопольского предстоятеля Варфоломея I) [3; см. также: 4, с. 28–30].

В ответ на поддержку решения Синода Константинопольского патриархата в 2019–2020 годах Русская православная церковь разрывает евхаристическое общение и с другими «греческими» автокефалиями (т.е. теми, во главе которых стоят предстоятели-греки): Элладской православной церковью (3 ноября 2019 года), Александрийским патриархатом (8 ноября 2019 года) и Кипрской православной церковью (20 ноября 2020 года).

Наконец, решением Синода Русской православной церкви 29 декабря 2021 года создается патриарший экзархат Африки, охватывающий весь континент и прилегающие острова (каноническая территория Александрийского патриархата). Формальным поводом для создания экзархата становится решение удовлетворить прошение 102 африканских священников о принятии их в состав Русской православной церкви [5].

Административно экзархат Африки разделен на две епархии:

- Северо-Африканская с центром в г. Каире (Египет);
- Южно-Африканская с центром в г. Йоханнесбурге (Южно-Африканская Республика) [5].

Северо-Африканская епархия включает 31 государство, а Южно-Африканская – 23 [6]. По состоянию на начало 2025 года экзархат Африки объединяет около 350 приходов в 32 странах [7].

С октября 2023 года Патриаршим экзархатом Африки является митрополит Зарайский Константин (Островский) [7].

Оценка *перспектив современного вселенского православия* предполагает учет церковно-политических и геополитических аспектов кризиса современного вселенского православия.

Церковно-политический аспект вышеназванного кризиса связан с борьбой за влияние во вселенском православии. Субъектами противостояния выступают:

- «первый по чести», но «безземельный» Константинопольский патриарх (немалая часть его паствы – церкви диаспоры);

– предстоятель Русской православной церкви, который возглавляет хотя и не самый древний патриархат (пятый в диптихе чести), но самый крупный (и территориально, и по численности населения) (более 40% православных мира [8, с. 12]).

Анализ взаимоотношений Константинопольского патриархата и Русской православной церкви [см., например: 9] показывает, что укрепление первенства среди православных церквей для Фанара (резиденция Константинопольского патриарха в г. Стамбуле, Турция) важнее единства вселенского православия. Интегральным результатом подобного устремления становится формирование «восточного папизма» Константинопольского патриарха как противоречивого сочетания трех тенденций:

- папоцезаризм (патриарх совмещает религиозную и светскую власть);
- цезарепапизм (глава государства одновременно является и главой церкви);
- этнофилетизм (акцент на решающей роли греков во вселенском православии) [10, с. 43–46].

По мнению греческих апологетов «восточного папизма», «...главой церкви является не Христос, а Константинопольский патриарх, без которого православие существовать не может» [10, с. 46]. Греческое учение о Константинопольском патриархе предполагает, что:

- он является «закваской» для вселенского православия (т.е. обладает непогрешимостью);
- он имеет юрисдикцию вмешиваться в дела поместных церквей;
- Константинопольский престол – первый престол вселенского православия [10, с. 47].

Как результат, Константинопольский патриарх есть «первый без равных» (ср. с традиционным тезисом о «первом среди равных») [10, с. 47].

Геополитический аспект кризиса современного вселенского православия связан со стремлением глобалистских политических сил сначала нейтрализовать могущество и влияние православия (в том числе и через «подрыв изнутри»), а затем – с позиций экуменизма – включить в глобалистский проект [см. подроб.: 4; 10].

Во внешней политике США (государство-ось глобалистского миропорядка) поддержка религиозного возрождения в посткоммунистических странах в 1990-е годы уже с начала 2000-х сменяется осознанием интеграционного потенциала религии, а также ее роли в качестве инструмента укрепления национально-культурной идентичности [8, с. 13]. К 2010-м годам во внешнеполитической доктрине США Русская православная церковь рассматривается как опора российской политической власти. Для ослабления российского православия США задействуют две группы средств:

- информационные нападки в мировых средствах массовой информации с подключением либерально настроенных сил в самой России;
- поддержка Константинопольского патриархата, который выступает исторически сформировавшимся оппонентом Русской православной церкви [8, с. 14–15].

Однако роль Русской православной церкви в современном мире гораздо шире, чем простая поддержка политической власти в стране. По оценке В.А. Щипкова в более чем 100-страничном исследовании 2022 года «Системное давление США на Русскую Православную Церковь в идейном и геополитическом противостоянии», православие выступает «...идейной, смысловой основой цивилизационного ядра, вокруг которого строится российская идентичность» [8, с. 17]. Как результат, с точки зрения католически-протестантского «коллективного Запада» православная Россия представляет собой «...онтологическую угрозу для проекта западного либерального глобализма» [8, с. 17].

По итогам проведенного исследования очевидно, что в ситуации сочетания, с одной стороны, «восточного папизма» Константинопольского патриарха Варфоломея I как основы церковно-политических отношений в современном вселенском православии и, с другой стороны, геополитической обстановки противостояния России с «коллективным Западом» кризис вселенского православия не только сохраняется, но и рискует стать необратимым (например, в результате унии «греческих» патриархатов с Римской католической церковью или продолжения недружественной политики Константинопольского патриархата по отношению к Русской православной церкви).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чибисова А.А. «Украинский вопрос» в отношениях Константинополя и Москвы в начале XXI в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2014. № 5(55). С. 9–25.
2. Соколовская Я. Украина ушла в раскол [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: ежедневная общественно-политическая газета. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3833351> (дата обращения: 27.04.2025).
3. Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с посягательством Константинопольского Патриархата на каноническую территорию Русской Церкви, 15.10.2018 [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского патриархата. – URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/5283708.html> (дата обращения: 27.04.2025).
4. Яковлев А. Кризис в отношениях между Константинопольским и Московским патриархатами в контексте мировой политики XX–XXI веков // Религия и общество на Востоке. 2020. № 4. С. 26–66.
5. Леонид (Горбачев), митрополит. Ядро Африканского экзархата будет коваться в Москве [Электронный ресурс] // РИА «Новости»: информационное агентство. – URL: <https://ria.ru/20211230/religiya-1766223233.html> (дата обращения: 15.04.2025).
6. Стефанов С. Миссия выполнима. Как Патриарший экзархат РПЦ покоряет Африку, 13.08.2022 [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/15455515> (дата обращения: 13.04.2025).

7. Митрополит Зарайский Константин: «Не стоит недооценивать Африку», 07.02.2025 [Электронный ресурс] // Церковный вестник: Летопись православия в XXI веке. 2025. № 1. – URL: http://e-vestnik.ru/interviews/mitropolit_zarayskiy_konstantin_afrika_13375/ (дата обращения: 14.04.2025).

8. Щипков В.А. Системное давление США на Русскую Православную Церковь в идейном и геополитическом противостоянии // Ортодоксия. 2022. № 1. С. 10–125.

9. Романчук А.А. Русская церковь и Константинопольский патриархат: актуальные вопросы отношений // Ортодоксия. 2022. № 1. С. 171–184.

10. Маслов А.А. Восточный папизм: сущность и предпосылки возникновения // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2023. № 1(20). С. 42–58.

УДК 342.55

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ерыгин А.А.,

кандидат политических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье на основе сравнительно-правового подхода анализируются нормативные правовые акты федерального и регионального уровней, регулирующие состав и порядок формирования высших исполнительных органов субъектов Российской Федерации. Выявляется ключевая роль в данной процедуре высших должностных лиц российских регионов, которые назначение на должность ряда должностных лиц согласовывают с региональными законодательными органами. Отмечаются отдельные противоречия в региональном законодательстве, требующие корректировки.

Ключевые слова: субъект Российской Федерации, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, высший исполнительный орган, законодательный орган, председатель правительства, согласование назначения на должность.

LEGAL STATUS OF DEPUTY FACTIONS IN THE LEGISLATIVE BODIES OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Erygin A.A.,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes, based on a comparative legal approach, regulatory legal acts of the federal and regional levels governing the composition and procedure for forming the highest executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation. The key role in this procedure of senior officials of Russian regions, who coordinate the appointment of a number of officials with regional legislative bodies, is revealed. Certain contradictions in regional legislation requiring adjustment are noted.

Keywords: subject of the Russian Federation, highest official of a subject of the Russian Federation, highest executive body, legislative body, chairman of the government, approval of appointment to a position.

Ключевая роль в реализации государственной политики в субъекте Российской Федерации принадлежит высшему исполнительному органу. Основы правового статуса рассматриваемого органа закреплены в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 414-ФЗ). Согласно ч. 1 ст. 32 высший исполнительный орган является постоянно действующим органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Упомянутый закон, с одной стороны, устанавливает, что рассматриваемый орган должен именоваться Правительством, а с другой – допускает иные наименования «с учетом исторических, национальных и иных традиций» (ч. 3 ст. 32), что можно считать проявлением определенной самостоятельности российских регионов. Так, высший исполнительный орган Республики Крым называется Совет министров, в Чувашской Республике, республиках Адыгея и Татарстан – Кабинет Министров, в Краснодарском крае, Ненецком автономном округе, Волгоградской и Костромской областях – Администрация. Однако вне зависимости от конкретного наименования основное предназначение высшего исполнительного органа состоит в обеспечении исполнения Конституции Российской Федерации, нормативных правовых актов федерального и регионального уровней и согласованной деятельности иных исполнительных органов на территории региона.

Состав и порядок формирования высшего исполнительного органа на федеральном уровне урегулирован в самом общем плане. Обновленная в 2020 году Конституция Российской Федерации в ч. 3 ст. 77, определяя правовой статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, называет его в скобках «руководителем высшего исполнительного органа государственной

власти» [2]. Однако в Федеральный закон № 414-ФЗ «содержимое скобок» применительно к главе региона не включено, и согласно ч. 4 и 5 ст. 32 высший исполнительный орган формируется высшим должностным лицом субъекта Федерации, который вправе непосредственно возглавить его или учредить должность председателя указанного органа, если это предусмотрено региональной конституцией (уставом). В последнем случае председатель организует работу высшего исполнительного органа, что, по нашему мнению, ограничивает его возможности по руководству указанным органом.

Фактически могут быть две модели организации высшего исполнительного органа: одна – во главе с высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, вторая наряду с главой региона предусматривает наличие должности руководителя правительства. Первая модель сложилась в Белгородской, Костромской, Ленинградской, Нижегородской, Новосибирской, Саратовской областях, Ямало-Ненецком автономном округе, а также в отдельных республиках. Например, согласно ст. 89 Конституции Хакасии Глава Республики – Председатель Правительства является высшим должностным лицом Республики [3].

Вторая модель характерна в первую очередь для республик. Так, Премьер-министр Татарстана является председателем Кабинета Министров и организует его работу [4]. Так, Глава Башкортостана «руководит Правительством», а Премьер-министр Правительства лишь «организует работу» высшего исполнительного органа [5], что соответствует предписаниям Федерального закона № 414-ФЗ. В основных законах ряда регионов, относящихся ко второй модели, прямо указано должностное лицо, возглавляющее Правительство. В частности, в Московской, Курской и Тульской областях, Приморском крае – это первый вице-губернатор, в Красноярском крае – заместитель губернатора.

Конституции и уставы субъектов Российской Федерации регулируют порядок и сроки внесения в законодательный орган кандидатур на должность председателя правительства и их рассмотрения. Например, в Кабардино-Балкарской Республике такое предложение должно поступить не позднее недельного срока (в Калининградской области этот срок составляет не более двух недель, в Чувашской Республике – 20 дней, в Иркутской области – месяц) после вступления в должность Главы Республики или после отставки Правительства либо в течение недели со дня отклонения кандидатуры Председателя Правительства республиканским Парламентом, которому отводится неделя на рассмотрение указанной кандидатуры [6].

Относительно состава высшего исполнительного органа сложились различные подходы. Например, Устав Новгородской области в этом плане лаконичен: в Правительство входят Губернатор, являющийся Председателем Правительства, и члены Правительства [7]. Согласно ч. 3 ст. 31 Устава Белгородской области членами Правительства во главе с Губернатором являются его первый заместитель и заместители [8]. Получается, что всего 11 должностных лиц вместе с Губернатором образуют областное Правительство. При этом следует иметь в виду, что заместители Губернатора, в том числе первый, могут возглавлять иные исполнительные органы. На практике так и происходит: соответствующие заместители Губернатора руководят министерством образования,

министерством имущественных и земельных отношений, министерством по делам молодежи, а также Администрацией Губернатора Белгородской области.

Иной, более широкий, подход к определению состава высшего исполнительного органа характерен для Ростовской области, Красноярского и Приморского краев, где членами правительства, как и на федеральном уровне, являются все министры. В ряде регионов (Карачаево-Черкесская Республика, республика Коми, Мордовия и Хакасия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ненецкий автономный округ, Ставропольский край, Костромская и Саратовская области) членами правительства по решению высшего должностного лица назначаются руководители иных исполнительных органов (комитетов, департаментов, управлений). Это дает возможность главам указанных субъектов Федерации в зависимости от текущей ситуации, возникающих задач «поднимать» до уровня правительства соответствующих руководителей. Устав Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ст. 39) наделяет Губернатора правом включать в состав Правительства также глав муниципальных образований [9], что противоречит норме, закрепленной в ст. 12 Конституции Российской Федерации, о невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти [2], но соответствует тенденции «огосударствления» местного самоуправления [10, с. 28], проявляющейся в последние годы.

В состав Правительства Республики Алтай и администрации Костромской области актами высших должностных лиц данных регионов могут быть включены руководители территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. Такая практика, с одной стороны, способствует реализации принципа единства системы исполнительной власти, а с другой – вступает в противоречие с принципом самостоятельности региональных органов государственной власти. Следует напомнить, что при главах субъектов Российской Федерации создаются консультативно-совещательные и координационные органы с участием руководителей (представителей) территориальных подразделений федеральных государственных органов [11], т.е. имеются иные формы взаимодействия региональной власти с федеральными структурами.

Еще более дискреционными полномочиями обладает Губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа по включению и исключению из состава Правительства лиц по собственному усмотрению, в том числе замещающих должности государственной гражданской службы автономного округа [12]. В этой связи представляется необходимым более четкое закрепление в региональных конституциях и уставах нормативных предписаний о лицах, включаемых в состав высшего исполнительного органа.

Как уже отмечалось, в формировании высшего исполнительного органа, в утверждении или согласовании назначения на должность отдельных должностных лиц указанного органа может принимать участие региональный законодательный орган, что предусмотрено ч. 8 ст. 61 Федерального закона № 414-ФЗ. Причем формы такого участия устанавливаются конституцией (уставом) и законом субъекта Российской Федерации. Анализ регионального законодательства свидетельствует о разнообразии подходов к решению рассматриваемого вопроса. Так, в Белгородской области назначение на должности всех членов

Правительства осуществляется по согласованию с областной Думой [8]. Законодательное Собрание Красноярского края согласует назначение на должность первых заместителей Губернатора, министра края, осуществляющего государственное управление в области экономического развития, министра края, осуществляющего государственное управление в области финансов [13].

Важно отметить, что Федеральный закон № 414-ФЗ в ч. 3 ст. 34 установил особый порядок назначения на должность руководителя регионального финансового органа. С этой целью предусмотрено проведение проверки соответствия кандидатов на замещение должности руководителя финансового органа квалификационным требованиям с участием уполномоченного Правительством России федерального органа исполнительной власти в порядке, установленном Правительством России [1].

Таким образом, порядок формирования высших исполнительных органов субъектов Российской Федерации урегулирован нормативными правовыми актами федерального и регионального уровней, часть из которых нуждается в корректировке. Ключевая роль в данной процедуре принадлежит главам российских регионов, которые назначение на должность ряда должностных лиц согласовывают с региональными законодательными органами. Представляется целесообразным распространение такой практики на весь состав высшего исполнительного органа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: – URL: <http://pravo.gov.ru>.

3. Конституция Республики Хакасия (принята на XVII сессии ВС РХ (первого созыва) 25.05.1995) (ред. от 22.07.2022) // Вестник Хакасии. 1995. № 25.

4. Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. (ред. от 26.01.2023) // Республика Татарстан. 2002. 30 апреля.

5. Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. № ВС-22/15 (ред. от 30.06.2025) // Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1994. № 4(22). Ст. 146.

6. Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. № 28-РЗ (ред. от 11.05.2022) // Кабардино-Балкарская правда. 1997. 9 сентября.

7. Устав Новгородской области от 3 сентября 1994 г. № 2-ОЗ (ред. от 17.06.2025) // Новгородские ведомости. 1994. 16 сентября.

8. Закон Белгородской области от 24 июня 2022 г. № 189 (ред. от 28.09.2022) «Устав Белгородской области» // Белгородские известия. 2022. 5 июля.

9. Устав (Основной закон) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 26 апреля 1995 г. № 4-ОЗ (ред. от 24.04.2025) // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2005. № 4 (апрель).

10. Бялкина Т.М. Конституционный принцип единства системы публичной власти и его реализация в законодательстве // Административное право и процесс. 2025. № 6. С. 25–31.

11. Ерыгин А.А. Правовая природа консультативно-совещательных и координационных органов при высших должностных лицах субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения правопорядка / Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии: материалы Международной научно-практической конференции в Воронежском институте МВД России, 1 октября 2014 г. – Воронеж, 2014. Ч. 1. С. 219–224.

12. Устав (Основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа от 28 декабря 1998 г. № 56-ЗАО (ред. от 31.10.2023) // Красный Север. 2008. 7 марта.

13. Устав Красноярского края от 5 июня 2008 г. № 5-1777 (подписан Губернатором Красноярского края 10 июня 2008 г.) (ред. от 03.07.2025) // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. 2008. 16 июня.

УДК 796.071.424.4

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕД СОРЕВНОВАНИЯМИ

Жегулин А.И.

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье описывается процесс подготовки спортсмена к соревнованиям путем проведения работы с психологом и тренером. Такая работа направлена на минимизацию негативного психологического воздействия на спортсмена в период проведения подготовки и непосредственно соревнований.

Ключевые слова: психологическое обеспечение, подготовка к соревнованиям, стресс, психическое возбуждение.

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL PREPARATION BEFORE COMPETITIONS

Zhegulin A.I.

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the article describes the process of preparing an athlete for competitions by working with a psychologist and a coach. Such work is aimed at minimizing the negative psychological impact on the athlete during the preparation period and the competition itself.

Keywords: psychological support, preparation for competitions, stress, mental arousal.

В ходе подготовки к соревнованиям любого характера немаловажное место занимает подготовка и работа над психологическим состоянием человека. В большинстве случаев перед соревнованиями спортсмен может ощущать предстартовое волнение, стресс или психическое возбуждение. В каждом конкретном случае спортсмен должен найти способы для их преодоления в максимально короткие сроки, так как от этого зависит исход выступления и соревнования в целом [1].

Психическое перенапряжение – сбой в работе органов и систем организма из-за чрезмерных нагрузок, которые не соответствуют общему уровню подготовленности индивида, происходит за счет воздействия на организм стрессовых факторов. Как показали исследования, психологическое перенапряжение может проходить несколько стадий, таких как [2]:

1. Нервозность. На стадии нервозности человек становится более нервным, вспыльчивым, его эмоции – менее предсказуемыми, а также он может испытывать боль в мышцах или во внутренних органах. Эти ощущения усиливаются со временем и становятся более заметными. В состоянии нервозности спортсмен обычно старается не показывать свои эмоции и выполняет указания тренера, но его тон, жесты и мимика могут измениться. Эмоциональная нестабильность проявляется в незаметных перепадах настроения и появлении раздражительности, которая выражается в прямолинейности и резкости в словах.

2. Порочная стеничность. На стадии стеничности вспыльчивость становится все более очевидной, и спортсмен не пытается ее скрыть. Наблюдается повышенная возбудимость и заметное беспокойство.

3. Астеничность. На стадии астеничности после периода активности наступает состояние подавленности и уныния. Спортсмен осознает, что цель, к которой он стремился, теперь кажется недостижимой, и он может отказаться от нее. Он считает, что его неуверенность связана с недостаточным уровнем развития навыков в борьбе.

Перед соревнованием каждый спортсмен испытывает психическое напряжение, но у всех оно проявляется по-разному, так как само психическое напряжение состоит из эмоционального и волевого видов регуляции. В большинстве

случаев у спортсменов преобладает волевой вид регуляции, что способствует контролированию ситуации и подавлению нежелательных эмоций [3].

Многие исследователи отслеживали динамику психических состояний спортсмена сначала за несколько дней до соревнований, а потом непосредственно в день соревнований. Было выявлено, что те спортсмены, у которых уровень психического напряжения отмечался в пределах нормы как за несколько дней, так и в день соревнований, показывали свой наилучший результат и занимали призовые места.

Однако также отмечалось, при условии, что совпадает уровень напряжения со временем старта соревнований, боец будет находиться в состоянии боевой готовности, и это также являлось прямым показателем успешности соревнований.

Возможно возникновение стартовой апатии, при которой спортсмен истощается как физически, так и эмоционально, снижается концентрация, уровень подготовки к соревнованиям не соответствует уровню самого бойца, отмечается отсутствие мотивации – возникает стартовая апатия.

Стартовая апатия начинается с легкого волнения в момент оповещения о предстоящих соревнованиях. Отмечается учащение пульса, незначительное повышение артериального давления, возникают тревожные мысли, появляется снижение аппетита. На данном этапе тренер должен заметить первые признаки апатии и предпринять попытки к ее устранению. Следует проводить тренировки таким образом, чтобы спортсмен смог заново поверить в свои силы. Также необходимо настоять на том, чтобы спортсмен занялся своим любимым хобби и попытался снять напряжение за любимым занятием.

Стартовое возбуждение начинается с момента прибытия на место проведения соревнования и непосредственно до начала собственного выступления.

При возникновении первых таких признаков спортсмен должен самостоятельно себя успокоить, провести легкую разминку. Развитие самовнушения способно будет сыграть огромную роль для самого спортсмена. Спортсмену следует внушать себе: «Я неплохо тренирован, результаты последних соревнований хорошие, моя восприимчивость повысится благодаря небольшому возбуждению».

Непосредственно перед самым выступлением спортсмен должен максимально сосредоточиться, исключить все внешние раздражители и потенциально настроить себя на предстоящую победу.

Итак, индивидуальные особенности характера и умения, развитые в ходе подготовки, помогают спортсменам эффективно преодолевать психологический стресс и упадок сил, которые могут возникнуть перед началом состязаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабушкин Г.Д., Яковлев Б.П. Психологическое обеспечение спортивной деятельности: учебное пособие. – Саратов: Ай Пи Ар Медиа, 2019. – 304 с.
2. Малкин В.Р., Рогалева Л.Н. Психотехнологии в спорте: учебное пособие для студентов. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – 96 с.

3. Пилоян Р.А. Мотивация спортивной деятельности. – Москва: ФиС, 1984. – 256 с.
4. Платонов В.Н. Общая теория подготовки спортсменов в олимпийском спорте. – Киев: Олимпийская литература, 1997. – 584 с.
5. Горская Г.Б. Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов: учебное пособие. – Краснодар, 2008. – 209 с.

УДК 378.6

КОРПОРАТИВНАЯ ГАЗЕТА КАК ЛЕТОПИСЬ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ

Каверина Л.В.,

кандидат филологических наук
(Санкт-Петербургский университет МВД России);

Шульженко Н.И.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается роль корпоративной газеты как важного инструмента в процессе документирования истории образовательной организации МВД России и формирования корпоративной культуры. Анализируются основные функции корпоративной газеты, а также влияние на коммуникацию внутри образовательной организации. Особое внимание уделяется тому, как газета становится летописью культурных, образовательных и научных событий, отражая развитие вуза в течение времени.

Ключевые слова: корпоративное издание, газета, вуз, летопись событий.

CORPORATE NEWSPAPER AS A CHRONICLE OF THE HISTORY OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Kaverina L.V.,

Candidate of Philological Sciences
(Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia);

Shulzhenko N.I.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the role of the corporate newspaper as an important tool in the process of documenting the history of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the formation of corporate culture. The main functions of a corporate newspaper are analyzed, as well as the impact on

communication within an educational organization. Special attention is paid to how the newspaper becomes a chronicle of cultural, educational and scientific events, reflecting the development of the university over time.

Keywords: corporate publication, newspaper, university, chronicle of events.

Газета – многогранный источник исторических сведений. Как отмечает И.Л. Карпова, «при всем многообразии материалов газет есть общая, объединяющая их черта, а именно отражение и фиксация факта действительности в приближенный к нему момент времени и передача сведений о нем как можно более широкому кругу людей» [1, с. 3]. Разрозненные факты, собранные в газетах, в совокупности позволяют историку реконструировать достаточно полную и верную картину прошлого.

Корпоративные газеты играют значительную роль в системе высшего образования, особенно в специализированных образовательных организациях, таких как образовательные организации системы МВД России. Они не только информируют участников образовательного процесса о текущих событиях, но и служат важным инструментом для документирования истории вуза. В условиях постоянных изменений в образовательной системе и кадровом составе корпоративная газета становится летописью, фиксирующей достижения, события и трансформации вуза.

Корпоративные газеты образовательных организаций МВД России имеют давнюю традицию, начиная с момента создания данных образовательных организаций. Так, например, газета Санкт-Петербургского университета МВД России «На страже закона» выходит с 1998 года, т.е. со времени учреждения университета. Ранее в Ленинградском военно-политическом училище МВД СССР (впоследствии Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России), которое в 1998 году вошло в состав Санкт-Петербургского университета МВД России, издавалась многотиражная газета «Политработник» [2]. Газета «Вести Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина» ведет начало с 2007 года, до этого времени новостной блок публиковался в журнале «Вестник Белгородского юридического института МВД России» в качестве самостоятельного раздела (2003–2007 гг.) [3].

В целом газеты образовательных организаций МВД России имеют похожие задачи: информируют о состоянии образовательного процесса, научной и воспитательной работы и внутренней жизни вуза, его взаимодействии с правоохранительными органами, органами власти и управления, другими вузами, о международном сотрудничестве, фиксируют важные события, такие как юбилеи, открытие новых факультетов, а также значительные достижения обучающихся и сотрудников, формируют устойчивый положительный имидж в глазах общественности [4]. Данный подход позволяет не только сохранить историческую память, но и способствует формированию корпоративной идентичности.

В содержательном плане корпоративные газеты образовательных организаций МВД России охватывают широкие темы – от новостей жизни до отзывов о научных исследованиях и проектной деятельности. Важным аспектом является

ся публикация интервью с руководителями вуза, преподавателями и выпускниками, что создает связующее звено между разными поколениями и отражает ценности образовательной среды [5]. При этом отметим, что данные газеты являются источником достоверной, проверенной информации о жизни вуза, позволяют проследить приоритеты развития образовательных организаций.

Среди традиционных для корпоративных изданий функций у газет образовательных организаций МВД России особо следует отметить функцию единства и коммуникации. Газета способствует формированию единого информационного пространства внутри вуза. Она объединяет различные аудитории – обучающихся, преподавателей, сотрудников, выпускников и ветеранов, позволяя им быть вовлеченными в жизнь образовательной организации. За счет возможности размещать номера газет на сайтах организаций и в социальных сетях значительно увеличивается круг читателей, расширяются границы образовательного пространства самого вуза. Публикации, освещающие успехи обучающихся и преподавателей, укрепляют чувство гордости за вуз и идентичность его членов.

Газеты образовательных организаций МВД России являются своеобразным зеркалом изменений вуза, в котором последовательно отображаются все инновации в образовательном процессе, такие как внедрение новых технологий или методов обучения. Это становится важным аспектом адаптации вуза к современным требованиям. Публикации о различных сторонах образовательного процесса помогают показать динамичное развитие образовательной организации.

Газета подчеркивает значимость научной деятельности, организованной в вузе. Публикации о научных проектах, научно-представительских мероприятиях, работе диссертационных советов дают возможность показать внешней аудитории научную активность вуза.

Значительное место в газетах образовательных организаций МВД России отводится социальным инициативам, организованным обучающимися и преподавателями, что способствует укреплению связей с местными сообществами и подчеркивает социальную ответственность образовательной организации.

Таким образом, можно утверждать, что корпоративная газета выступает не только как источник информации, но и как важный инструмент формирования культурной и исторической идентичности образовательной организации системы МВД России. Она фиксирует достижения и трансформации образовательной организации, способствует поддержанию корпоративного духа и является важным инструментом для создания позитивного имиджа среди обучающихся, научно-педагогических работников, сотрудников, ветеранов и широкой общественности. В условиях современного мира, где информация становится ключевым ресурсом, значение корпоративной газеты как летописи истории вуза только возрастает.

В связи с этим в качестве перспективных видятся следующие рекомендации:

1. Развивать формат газеты, включая мультимедийные элементы и интернет-версии.
2. Создавать рубрики, посвященные истории образовательной организации, ее достижениям и значимым событиям.

3. Вовлекать обучающихся в создание контента газеты, что поможет укрепить их связь с образовательной организацией.

4. Проводить регулярные исследования среди читателей для повышения качества материалов и интереса к газете.

Следовательно, корпоративная газета образовательной организации системы МВД России представляет собой летопись, отражающую историю вуза в фактах, событиях, явлениях, документах, мнениях современников, становится важным инструментом не только для документирования истории, но и для формирования будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карпова И.Л. Газета «Московские ведомости» как источник по истории отечественного книжного дела второй половины XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2009. – 20 с.

2. Высшее политическое училище им. 60-летия ВЛКСМ Министерства внутренних дел СССР. – Ленинград, 1979.

3. Каверина Л.В. Средства массовой информации образовательного учреждения МВД России как корпоративные масс-медиа (на примере Белгородского юридического института МВД России) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2013. № 1(21). С. 85–87.

4. Каверина Л.В., Шульженко Н.И. Корпоративная газета как инструмент формирования устойчивого имиджа образовательной организации системы МВД России / Новые ориентиры редакционно-издательской и научной деятельности в образовательных и научных организациях МВД России: сборник материалов внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 июня 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 85–90.

5. Каверина Л.В. Корпоративные масс-медиа как средство овладения корпоративной культурой курсантами образовательных организаций МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2013. № 2(22). С. 37–39.

6. Каверина Л.В., Чесовская М.Г. Корпоративная культура организации как научная проблема / Сборник научных трудов Белгородского юридического института МВД России. Т. 2. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, 2013. С. 67–70.

7. Каверина Л.В., Малофеев А.А. Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России (обзор материалов внутриведомственной научно-практической конференции) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(95). С. 215–225.

**РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ
(НА ПРИМЕРЕ РАЗРУШИТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА)**

Колесников С.А.,

доктор филологических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассмотрены разрушительные стратегии, которые реализовались накануне 1917 года, что и привело к кризису государственной системы и сложившейся цивилизации. Одним из направлений стало разрушение такого базисного основания государственности и цивилизации, как национальное самосознание, посредством вербально-художественной культуры. Показана деструктивная роль некоторых направлений русской культуры Серебряного века в понимании содержания и значения системы взаимоотношений между нацией и государством.

Ключевые слова: национальное самосознание, художественная культура, деструктивный потенциал, нация и государство, идея служения, пространства войны и мира, разрыв между обществом и армией.

**RUSSIAN CIVILIZATION IN THE CONTEXT OF CHALLENGES
AND THREATS (ON THE EXAMPLE OF THE DESTRUCTIVE
STRATEGIES OF THE RUSSIAN CULTURE OF THE SILVER AGE)**

Kolesnikov S.A.,

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of Russia)

Abstract: the article examines the destructive strategies that were implemented on the eve of 1917, which led to the crisis of the state system and the established civilization. One of the strategies was the destruction of the fundamental basis of statehood and civilization, such as national identity, through verbal and artistic culture. The article shows the destructive role of certain aspects of Russian culture during the Silver Age in understanding the content and significance of the relationship between the nation and the state

Keywords: national identity, artistic culture, destructive potential, nation and state, the idea of service, spaces of war and peace, and the gap between society and the army.

Разрушение традиционного национального самосознания средствами вербально-художественной культуры неминуемо влечет за собой деформацию сложившихся государственных устоев, ведь макросоциальные конструк-

ты «национальное» и «государственное» находятся в тесной связке. Стратегии, направленные на разрушение одного конструкта, одновременно уничтожают другой. Однако деструктивные средства, используемые художественной культурой против государства как макросоциального образования, имели свою специфику.

Развивая стратегию на разрушение традиционного национального самосознания, деструктивность русской художественной культуры Серебряного века стремилась увеличить «зазор» между нацией и государством. Даже в тех немногочисленных произведениях, где национальное предстает в качестве позитивной идеи – отдельные патриотические произведения А. Блока, талантливая этнография М. Пришвина, деревенско-пасторальные стихотворения раннего С. Есенина и другие, зримо присутствует дистанция между государством, Российской империей и нацией. Очевидно, что писатели достаточно четко различали государство как «искусственное политическое образование» и нацию как «существующее моральное сообщество», однако при принятии деструктивного ракурса подобный разрыв мог провоцировать дезинтеграцию цельности общественного сознания [10, с. 322]. Естественно, что в максимальной степени подобный разрыв проявлялся в произведениях, имевших четкую анти- или, по крайней мере, внегосударственную направленность. Создание ситуации несопоставимости интересов нации и государства, желание усилить противоположность этих интересов мы встречаем во многих произведениях Серебряного века: А. Белый в «Петербурге» выстраивает непреодолимую стену между «жителями островов» и чиновничье-бюрократической империей; у М. Горького в большинстве произведений государство присутствует прежде всего как аппарат насилия, направленный на подавление нации, как механизм национального геноцида; Л. Андреев («Красный смех», «Губернатор», «Христиане», «Нет прощения» и др.) дает предельно негативное описание государственной «машины», перемалывающей нацию, придающей «призрачность» феномену национального...

Естественно, что подобная провокация враждебности между государством и нацией взращивала значительный деструктивный потенциал, который и приведет к историческим катаклизмам. При этом обнаруживается достаточно своеобразная стратегия: там, где трещину между нацией и государством увеличить становится сложным, начинает действовать проверенный алгоритм «смешения» – национальные проблемы соотносятся с государством и наоборот [8]. «Немцы», «испортившие» Лаевского из «Дуэли» А. Чехова, вирусолентность «инородчества», представленная в черносотенной литературе, или обвинения в адрес государства в чрезмерной русификации (только у одного Л. Толстого мы найдем целые абзацы, например в «Воскресенье», посвященные этой проблеме), в основной массе антипогромная литература и пр., – все это есть проявления стратегии «смешения» государственного и национального.

Деструктивность принципиально непоследовательна в своей разрушительной интенции: с одной стороны, обнаруживается эскалация разрыва между нацией и государством, с другой – провокационная диффузность этих конструктов. Смешение национального, этнического и государственного ясно прослеживается практически во всей художественной литературе Серебряного ве-

ка, проповедующей антигосударственность в той или иной форме. Изображение империи как формы государственного образования, принципиально неспособного разрешить национальный вопрос, а, следовательно, подлежащего разрушению, проходит красной нитью даже в таких «нейтральных» произведениях, как рассказы А. Чехова, где метафизический пессимизм, неспособность дать позитивные решения трансформируется в завуалированное осуждение государственно-имперской системы в целом [6, с. 17].

В вербально-художественной культуре создавался образ народа как тесной сплоченной массы, еще один вариант соблазна единством, только теперь единством толпы. Установка на ощущение себя толпой, массой отчетливо прослеживается во многих описаниях революционных порывов масс – рабочих и крестьянских – массовая стадность синонимична силе, массовость привлекательна в описаниях М. Горького, желаемая в противопоставлении с одиночеством героев А. Чехова.

Опасность подобных стратегий, конечно же, осознавалась в обществе, свидетельством тому предостережения хотя бы в «Вехах», где синтез «отщепенческих» идей с «народными инстинктами» маркировался как крайне деструктивный. («Прививка социалистического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершилась с ошеломляющей быстротой», – писал П.Б. Струве.) Однако идолопоклонство перед мощью народной массы, «народопоклонство» (Н. Бердяев), продолжало сохранять свои позиции в общественном сознании, обретая уже форму бездумного автоматизма [1, с. 146]. Образцы программированного мышления, мышления слоганами, столь широко распространенного в современности, можно встретить и в Серебряном веке, причем во многом его укорененность обусловлена воздействием вербально-художественной культуры.

Результатом подобных стратегий вербальной художественной культуры в описаниях народа становилось появление «концептуального» плебейства, находящего свое проявление и в художественном творчестве. Идеализация, точнее идололизация, народа художественной культурой вела к тому, что возникал обратный процесс: идеализированная, лишенная объективной оценки стадность начала находить свое выражение уже в самой художественной культуре. «Плебеизация воображения» стала тем толчком к безнаказанной анонимности, которая во многом и определила безответственность и высших, и низших слоев общества за свои действия [11].

Но одной из самых главных опасностей в деструктивности русской культуры стало разрушение традиционного представления о силовых структурах. Можно остановиться на армии, но это же в полной мере относится и к другим силовым структурам.

Искажение традиционной сословной аутентичности вербально-художественной культурой влекло за собой реализацию следующего антигосударственного проекта – уничтожение идеи служения в разных ее вариациях как основы Российской империи. Ю.М. Лотман рассматривает служение в качестве основной характеристики одной из архетипических моделей культуры, которую он определяет как «вручение себя», являющейся религиозной по своему первона-

чальному характеру и противостоящей другой модели, которую он определяет, как «договор» [5].

Для большей детализации стратегии уничтожения идеи служения представляется оптимальным рассмотреть ее применение к конкретным профессиональным формам государственного служения. В научном определении «средством исследования феномена служения русского воинства выступает метод онтологической экспликации, который инструментально проявляется в герменевтической декомпозиции наличной реальности, а также в онтопоэтической интерпретации форм постижения военным человеком бытия как единой, сверхчувственной, метафизической, трансцендентной духовной реальности» [4].

Армия всегда являлась основой государственности в Российской империи, и естественно, что для разрушения государства именно армия должна была стать одним из главных объектов деструктивного влияния.

Можно отметить, что в вербально-художественной культуре Серебряного века начинает деформироваться главное предназначение армии – ведение войны, появляется видоизмененное представление о самой войне [3]. Показательная деталь: традиция создания военных трактатов по теории и практике войны, имевшая в России глубокие корни, неожиданно нарушается появлением в 1914 г. произведения Велимира Хлебникова под знаковым названием «Новое учение о войне» (1915). Тем самым можно отметить появление оригинальной стратегии: подмены традиционной теоретической литературы о войне, причем подмены именно на теоретическом уровне, псевдотеорией. Создается симулякр трактата о войне, призванный самой своей формой облегчить внедрение в сознание читателя, привыкшего к восприятию военно-теоретических работ именно в такой «оболочке», деструктивного прайминга.

Еще одной гранью деструктивных стратегий, стремящихся изменить идентификацию войны, являлась максимально расширительная трактовка этого понятия, «размывание» понятия войны по самым различным культурным локусам. В дискурс войны вводились отношения между мужчинами и женщинами, родителями и детьми, религиозным и профанным (например, А. Белый), революцией и царизмом (напр., Д. Мережковский)... – в целом между личностью и миром; под войной предлагалось понимать практически все происходящее в реальности: таковы многие произведения Л. Андреева, Л. Зиновьевой-Аннибал, Н. Гумилева, В. Брюсова... Чрезмерно расширенное понимание войны вело к исчезновению ее традиционной дефинизации, к уничтожению привычных границ такого явления, как война. Яркой иллюстрацией данной разрушительной стратегии может стать тема совмещения, слияния войны и бунта в литературе Серебряного века. «Бунтующее сознание» (А. Камю) претворяется в воюющее. У Л. Зиновьевой-Аннибал бунтующий, в сущности, истерический ребенок, описывается как воин, отстаивающий свои высшие ценности; у Ф. Сологуба в «Мелком бесе» бытовое убийство транскрибируется как метафизическая война зла и добра, у М. Горького во многих произведениях события, происходящие в мирном «формате», представлены как война всех против всех; у А. Грина герои постоянно находятся в состоянии войны и т.д.

Тем самым в общественном сознании культивировалась установка постоянного нахождения на войне, т.е. разрушалась грань между войной и миром, существовавшая еще у того же Л. Толстого в XIX столетии. Разрушая традиционное понятие войны, деструктивность таким образом разрушала и мир. Кстати, показательно, что в отношении «классического» определения войны в вербально-художественной культуре Серебряного века используется «зеркальная» стратегия: реальная война подвергается радикально метафорической и аллегорической интерпретации. Ярким примером подобной стратегии могут служить «Красный смех» Л. Андреева или «Нет возврата» З. Гиппиус, в которых война переводится в разряд умственной патологической «игры», в некую болезненную фантазию, но отнюдь не в действительное, исторически четко фиксированное событие с конкретными реалиями.

Показательным в этом отношении становится процесс «олитературивания» армии, внесение в ментальный мир армии атрибутов, ей ранее не свойственных, имеющих вербально-художественную генетику, причем воздействие этих инородных «вирусов» имело системный характер. На «входе» в систему под названием «армия» могла действовать стратегия, представленная, например, в действиях В. Хлебникова, доказывавшего невозможность принятия для себя официальной воинской присяги тем, что он состоит на службе у литературы. В письме 1916 г. генералу Н.И. Кульбину Хлебников писал: «Что я буду делать с присягой, я, уже давший присягу Поэзии?» [9, с. 107]. Очевидно, что присяга идентифицируется не как сакрально-государственный документ, а как литературный текст со всей присущей такому тексту атрибутикой, а военная служба становится эквивалентной литературному творчеству.

Воздействие вышеобозначенных стратегий преследовало главную цель – изменить традиционное представление об армии как внутри нее, так и вовне. Прежнее восприятие взаимосвязи государства и армии как органического симбиоза, призванного организовать народ для защиты Родины, что и позволяло легитимно вписывать государство в сакральный порядок бытия, в Серебряном веке было разрушено. Литературно препарированная армия уже не могла служить основанием для авторитетности государства, несмотря на то, что именно армия всегда являлась «аккумулятором» патриархальности. Война также перестала восприниматься профессиональным офицерским сообществом как «судьба», превратившись в некий литературизованный, отекстованный проект. Естественно, что в связи с этим становятся результативными различные виртуализированные теории, например, такая как ленинская идея «превращения современной империалистической войны в гражданскую», возникает возможность создания в армейском и общественном сознании различных образов врага, против которого и должна бороться армия.

Результатом становится тотальный разрыв между обществом и армией, собственно, чего и добивалась деструктивность, используя в том числе и художественно-вербальную культуру. Формируется уже не армия, а каста защитников той или иной формы власти. Знаковым является замечание редактора журнала «Новая жизнь» И. Гольденберга, брошенное в 1917 г.: «Если не развалить старую армию, она раздавит революцию». Традиционные проекты воспитания

воинов и литературными, и внелитературными способами (вспомним отношение к кадетским школам в обществе) оказываются уничтоженными. Раскол между обществом и армией привел к ситуации исчезновения идеи служения государству и народу из армейского менталитета [7, с. 177].

Таким образом, накануне рокового 1917 года обнаруживаются целенаправленные стратегии по разрушению государственности на самых разных уровнях, и для современности это должно служить важным и результативным уроком, и в первую очередь для людей, стоящих на страже государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вехи. Интеллигенция в России 1909–1910: сборник статей. – Москва: Азбука, 1991. – 461 с.
2. Зарубина Н.Н. Служение общественное / Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты: энц. словарь / ред. кол. М.П. Мchedлов [и др.]. – Москва, 2001. С. 405–407.
3. Керсновский А.А. Философия войны / Философия войны. – Москва, 1995. С. 11–98.
4. Курочко М.М. Онтологии служения русского воинства: дис. ... канд. филос. наук. – Москва, 2003. – 194 с.
5. Лотман Ю.М. Договор и «вручение себя» / Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – Санкт-Петербург, 2002. С. 22–32.
6. Паин Э.А. Между империей и нацией. – Москва, 2004. – 246 с.
7. Первая революция в России: взгляд через столетия. – Москва, 2005. – 602 с.
8. Рамоне И. Геополитика хаоса. – Москва, 2001. – 127 с.
9. Старкина С. Велимир Хлебников. – Москва, 2007. – 337 с.
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – Москва, 2005. – 588 с.
11. Эппель А. Литература последнего десятилетия: тенденции и перспективы // Вопросы литературы. 1998. № 2. С. 3–82.

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ
КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАЧЕСТВА ДЕЙСТВУЮЩЕГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ
ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ**

Котарева О.В.,

кандидат юридических наук, доцент;

Четверикова Е.С.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье обсуждаются возможные требования юридической техники, предъявляемые к законопроектам, их способность совершенствовать качество действующего законодательства и повышать уровень правовой грамотности населения.

Ключевые слова: юридическая техника, законодательные требования, правовая грамотность, правовая культура, юридическая определенность.

**LEGISLATIVE REQUIREMENTS OF LEGAL TECHNIQUE AS A FACTOR
IN IMPROVING THE QUALITY OF THE CURRENT LEGISLATION AND
INCREASING THE LEVEL OF LEGAL LITERACY OF THE POPULATION**

Kotareva O.V.,

Candidate of Law, Associate Professor;

Chetverikova E.S.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article discusses the possible requirements of legal technique for draft laws, their ability to improve the quality of the current legislation and increase the level of legal literacy of the population.

Keywords: legal technique, legislative requirements, legal literacy, legal culture, legal certainty.

Одной из актуальных задач, стоящих перед современной юридической наукой, является совершенствование качества юридической техники. Несмотря на обширную литературу, посвященную данной теме, вопросы, касающиеся факторов, влияющих на эффективность использования приемов юридической техники, до сих пор недостаточно полно раскрыты.

В данной статье делается попытка восполнить указанный пробел, акцентируется внимание на том, что одним из ключевых факторов, определяющих качество правовых норм, является глубокое понимание субъектом нормотворчества назначения конкретных юридических приемов, используемых для регулирования общественных отношений.

Для осознанного и эффективного применения юридической техники субъект должен не только владеть формальными инструментами правового конструирования, но и понимать закономерности правового регулирования, а также требования, предъявляемые к правовым нормам.

Одним из требований является требование определенности. Каждый субъект права имеет субъективные права и обязанности, подчиняется праву и в каком-то смысле приспособливает свое поведение к требованиям норм права. Вместе с тем правовые нормы не должны в своем содержании быть противоречивыми или неполными.

При правовом регулировании общественных отношений должен быть определен круг субъектов общественных отношений, правовой режим объектов этих отношений, характер и содержание субъективных прав и обязанностей, основание их возникновения, прекращения, способы, сроки реализации субъективных прав и обязанностей, меры ответственности за их нарушения и т.д.

Как отмечают Н.А. Власенко и Т.Н. Назаренко, нормы права создают условия индивидуального и юридического регулирования [1]. Неопределенность норм права недопустима, так как субъекты права дезориентированы относительно того, каким образом они должны поступать в той или иной правовой ситуации. В таких случаях каждый индивид будет поступать так, как ему удобно, что, в свою очередь, приведет к конфликтам и ущемлению прав и интересов другого участника правоотношения.

Следующим требованием является требование обоснованности. Данное требование заключается в том, что предел регулирования общественных отношений не может выходить за пределы конкретной нормы права. В праве не допускается регламентация одних и тех же общественных отношений несколькими правовыми нормами.

То же самое можно сказать и про принятие законопроекта, где необходимо указать обоснованность принятия того или иного нормативного правового акта.

Важным и наиболее актуальным в современных реалиях является требование недопустимости ущемления свободы субъекта права. В современном мире принцип свободы означает то, что нормы права не должны причинять вред субъекту права и вводить запреты на те действия, которые не являются противоправными. Кроме того, данное требование провозглашает и закрепляет незыблемые и фундаментальные права человека, такие как право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, свободу передвижения, место пребывания и жительства и т.д., а также предполагает, что ограничения прав и свобод человека могут быть введены только законом, быть обоснованы и мотивированы той целью, ради которой они введены, и быть по возможности минимальными.

Нельзя не рассмотреть такое требование, как учет интересов субъектов права. Когда субъект вступает в общественные отношения, его интересы регулируются на законодательном уровне. В случае когда закон определяет самостоятельность субъекта в осуществлении координации своих действий и интересов на уровне договора, используются диспозитивные способы регулирования.

При принятии нормативных правовых актов могут проводиться социологические исследования с целью понимания целесообразности принятия того или иного закона в отношении субъекта права, которому они адресованы [2]. Если данное исследование законодателем игнорируется, то это может привести к усилению социальной напряженности в обществе.

Требование стабильности публично-правового регулирования также играет ключевую роль в повышении правовой грамотности населения. Законодательное регулирование должно быть по возможности стабильным.

Нельзя исключать тот факт, что в правовом регулировании допустимы необходимые изменения, но недопустимы постоянные. Целесообразность регулирования общественных отношений возможна в следующих случаях: появление новых общественных отношений, противоречивость и ошибки в правовом регулировании, изменение потребностей общества, отмена или признание недействительными нормативных правовых актов, содержащих конкретную норму права.

Еще одним требованием является требование системности. Общественные отношения представляют собой определенную систему. Они взаимосвязаны друг с другом.

Типичным примером нарушения требования определенности являются положения Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3], проблемы с интерпретацией которого возникают не только у обычных граждан, но и у представителей научного сообщества, поскольку каждая статья закона содержит по 9 пунктов и почти в каждом из них имеется отсылка на другую статью данного закона.

Не менее сложными с точки зрения использования приемов юридической техники являются Федеральный закон «Об акционерных обществах» [4], Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» [5]. В указанных законах многие статьи содержат по 7 и более пунктов в каждой статье.

Так, например, ст. 84.9 «Государственный контроль за приобретением акций открытого общества» содержит 7 пунктов, ст. 84.8 «Выкуп ценных бумаг открытого общества по требованию лица, которое приобрело более 95 процентов акций открытого общества» содержит 8 пунктов.

Чем сложнее закон, тем выше вероятность его нарушения со стороны гражданина из-за неправильного понимания.

Устранить указанные пробелы позволит возобновление работы над проектом Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» посредством включения в него законодательных норм, определяющих ряд требований: определенности, обоснованности, недопустимости ущемления свободы субъектов права, учета интересов субъектов права, стабильности публично-правового регулирования, системности.

Предлагаемые изменения в законодательстве направлены на устранение правовых пробелов и повышение качества нормотворчества. Включение требований определенности, обоснованности, недопустимости ограничения свободы, учета интересов субъектов, стабильности и системности позволит обеспечить

предсказуемость и ясность правовых норм, снизить риск произвольного правоприменения и укрепить доверие общества к закону.

В заключение следует отметить, что требования определенности, обоснованности и системности помогут субъектам права правильно интерпретировать норму права, применить ее в конкретной ситуации и не думать о противоречивости и ошибках в правовом регулировании конкретной сферы общественных отношений.

Учет интересов субъектов права позволит принимать нормы согласно конституционному принципу уважения прав и свобод личности. Каждая норма будет направлена на максимальную защиту интересов субъекта права.

Требование стабильности публично-правового регулирования позволяет законодателю принимать меры к изменяющимся в обществе явлениям, в первую очередь это связано с появлением новых общественных отношений, возникновением пробелов в законодательстве и противоречивостью норм права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Саттаров В.Д. Юридическая техника правового регулирования информационных отношений на различных стадиях развития российской государственно-правовой системы // Вестник ВУиТ. 2021. № 2(98). С. 38–50.

2. Раевская В.А., Борисов А.С. Становление и развитие юридической техники в правотворческой деятельности государств // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 132–142.

3. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2023.

4. Федеральный закон от 26.12.2005 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2956.

5. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

6. Одинокова Е.Ю. Значение юридической техники в повышении правовой культуры обеспечения ведомственной деятельности // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 612–614.

7. Авакьян С.А. Юридические конструкции в современном праве // Вестник Московского государственного университета. 2022. № 4. С. 7–17.

8. Котарева О.В. Юридическая техника: курс лекций. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2020. – 119 с.

9. Карабут Е.В., Курдюк Г.П., Урумов А.В. Юридическая техника: электронное учебное пособие. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020.

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ – ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ СВОЙСТВО КОНСТИТУЦИОННОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В РОССИИ

Лукьянова И.Ю.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье с учетом анализа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации определяются критерии ограничения прав и свобод личности. Автор приходит к выводу о том, что соответствие конституционных ограничений таким критериям свидетельствует о наделении их свойством правозащитной определенности. С учетом характеристики установленных критериев автор дает понятие выделенному свойству.

Ключевые слова: правозащитная определенность, критерии, конституционное ограничение, права и свободы.

HUMAN RIGHTS CERTAINTY IS A FUNDAMENTAL PROPERTY OF THE CONSTITUTIONAL RESTRICTION OF INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS IN RUSSIA

Lukyanova I.Y.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: taking into account the analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the article defines the criteria for restricting individual rights and freedoms. The author concludes that the compliance of constitutional restrictions with such criteria indicates that they are endowed with the property of human rights certainty. Taking into account the characteristics of the established criteria, the author gives a concept to the selected property.

Keywords: human rights certainty, criteria, constitutional restriction, rights and freedoms.

Несмотря на признание человека, его прав и свобод высшей конституционной ценностью (ст. 2 Конституции Российской Федерации), государство допускает введение правомерных ограничений таких прав и свобод в целях защиты публичных интересов (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации) [1]. По смыслу названных конституционных положений допустимыми и законными могут быть признаны лишь те ограничения прав и свобод личности, которые обладают неким свойством, названным нами свойством «правозащитной определенности». В научном сообществе до настоящего момента не упоминалось о наделении конституционных правоограничений названным свойством.

Свойство правозащитной определенности конституционного ограничения прав и свобод личности основано на нескольких критериях. В первую очередь указанное свойство свидетельствует о том, что конституционные ограничения прав и свобод личности в обязательном порядке находят отражение в действующем законодательстве и имеют формально определенные формы их выражения. Допустимость введения правоограничений подтверждается как на внутригосударственном (Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы), так и на международном уровнях правового регулирования (Всеобщая декларация прав человека [2], Международный пакт о гражданских и политических правах [3]).

Названный признак формальной определенности предполагает, что в соответствующих нормативных правовых актах должны быть установлены условия, основания, принципы и пределы допустимого вмешательства органов публичной власти в сферу личной свободы человека.

Важнейшим признаком правозащитной определенности как важнейшего свойства конституционного ограничения прав и свобод личности является их целевая направленность. Так, правоограничения могут вводиться лишь для достижения определенных в конституционном тексте целей. К ним согласно ч. 3 ст. 55 относятся «защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства». Причем необходимо отметить, что ограничение прав и свобод в иных целях недопустимо и признается незаконным.

Конституционным Судом Российской Федерации неоднократно подчеркивалось, что решение о необходимости введения соответствующих ограничений прав и свобод личности следует принимать с учетом исследования всех обстоятельств каждого дела, уделяя при этом внимание индивидуальным особенностям, относящимся к личности субъекта правоограничения, характеру подаваемой им жалобы, состоянию общественных отношений в определенный период времени и т.д. [4]. Применение принципа индивидуализации в части введения правоограничений непосредственным образом затрагивает и выбор легитимной цели. Конституционная норма, устанавливающая такие цели (ч. 3 ст. 55), носит общий характер, ввиду чего законодателю и правоприменителю необходимо самостоятельно определять индивидуальные цели ограничений прав и свобод, восполняя тем самым существующий пробел конституционно-правового регулирования.

Обладая свойством правозащитной определенности, конституционные ограничения прав и свобод способствуют обеспечению баланса конституционных ценностей, и в частности индивидуальных и публичных интересов. Отсутствие названного признака свидетельствовало бы об умалении прав и свобод личности. В Российском государстве определяется иерархичное построение конституционных ценностей. Во главе «конституционной пирамиды» располагаются человек, его права и свободы, что определено на конституционном уровне (ст. 2). Между тем приоритет прав и свобод личности вовсе не означает, что они не могут быть ограничены для защиты иных ценностей.

В рамках осуществления анализа обозначенного признака особое значение приобретает понятие публичного интереса. Впервые о понятии публичных интересов стало известно из конституционно-судебной практики [5]. В научном сообществе под публичным интересом понимается «интерес, связанный с общественным интересом, удовлетворение которого невозможно без учета частного интереса» [6, с. 13]. Обеспечение публичных интересов необходимо в целях устойчивого развития государства, создания благоприятных условий жизнедеятельности народа. В отечественной правовой доктрине на сегодняшний день не существует исчерпывающего перечня публичных интересов. При этом некоторые из них представлены в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Частные интересы, в свою очередь, обусловлены потребностями конкретной личности и непосредственно связаны с реализацией субъективных прав и свобод. В научном сообществе частные интересы связывают с обеспечением публичных интересов, поскольку обеспечение последних необходимо для нормального функционирования отдельных социальных институтов жизнеобеспечения. Ввиду того, что обеспечение публичных интересов предполагает массовый характер их направленности, в исключительных случаях допускается ограничение частных интересов, что способствует достижению баланса между ними.

Свойство правозащитной определенности конституционного ограничения основано на их соответствии определенным правовым принципам. Принципы права являются ориентиром, идеалом и фундаментом любого вида деятельности, соответствие которым способствует обеспечению законности в обществе. Несмотря на то что в действующем законодательстве такие принципы пока не закреплены, они непосредственно вытекают из конституционных положений. В практике Конституционного Суда Российской Федерации также встречается упоминание о принципах ограничения прав и свобод личности. В конституционной практике такие принципы выступают в качестве критериев правоограничений, соответствие которым свидетельствует о законности принимаемого уполномоченными органами решения.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что, несмотря на выстраивание приоритета прав и свобод личности в системе конституционных ценностей, они могут быть ограничены на основании и с учетом соблюдения условий, определенных в законе. Рассмотрение института правоограничений в качестве важнейшего инструмента защиты конституционных ценностей позволяет сделать вывод о том, что они обладают свойством правозащитной определенности. Под ним в рамках настоящего исследования следует понимать свойство правоограничений, присущее им в силу их направленности на защиту конституционно охраняемых ценностей и соответствия конституционно-правовым критериям. Автором были выделены такие критерии, а также дана им правовая характеристика.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. – 2020.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

3. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 марта 2023 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 8 статьи 11 и пункта 1 части 1 статьи 17 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой акционерных обществ «Специализированный Застройщик «Кошелев-проект Самара» и «Кошелев-проект»» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 201 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

6. Публичные и частные интересы в Российском законодательстве / под ред. Ю.А. Тихомирова. – Москва: Юрист, 2005. – 278 с.

УДК 34.032.1

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И БОРЬБЫ С ПОЖАРАМИ НА РУСИ В IX–XVII ВЕКАХ

Лысенко В.А.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: история органов внутренних дел, являясь важной составной частью отечественной истории государства и права, в числе важнейших проблем изучает особенности функционирования системы правоохранительных органов, их влияние на процессы возникновения и развития прав человека и гражданина, правового государства, федерализма, разделения властей в нашей стране. Допетровская Русь, охватывающая обширный исторический период с IX до начала XVIII века, представляет собой важный и знаковый этап в формировании социального и правового устройства страны. Этот уникальный период характеризуется множеством изменений, оказавших значительное влияние на развитие российской общественной жизни. Важнейшими аспектами данного времени стали организация мест лишения свободы, а также разработка и внед-

рение мер, направленных на борьбу с пожарами, что, в свою очередь, отражало не только социальные, но и экономические, культурные и политические реалии того времени.

Ключевые слова: места лишения свободы, органы внутренних дел, правонарушение, тюрьма, пожары.

ON THE ISSUE OF THE ORGANIZATION OF PLACES OF IMPRISONMENT AND FIRE FIGHTING IN RUSSIA IN THE IX–XVII CENTURIES

Lysenko V.A.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the history of law enforcement agencies, being an important component of the national history of the state and law, among the most important problems studies the functioning of the law enforcement system, their impact on the processes of the emergence and development of human and civil rights, the rule of law, federalism, separation of powers in our country. Pre-Petrine Russia, which covers an extensive historical period from the 9th century to the beginning of the 18th century, represents an important and significant stage in the formation of the social and legal structure of the country. This unique period is characterized by many changes that had a significant impact on the development of Russian public life. The most important aspects of this time were the organization of places of detention, as well as the development and implementation of measures aimed at fighting fires, which, in turn, reflected not only the social, but also the economic, cultural and political realities of that time.

Keywords: places of imprisonment, law enforcement agencies, offenses, prisons, fires.

Система мест лишения свободы в допетровской Руси была многообразной и зависела от социального статуса осужденных, а также от характера совершенных ими правонарушений. В начале своего существования тюрьмы, как правило, располагались при монастырях, выполняя не только функцию заключения, но и служа центрами духовного наставления и исправления, где заключенные могли получать моральную поддержку и обучение. Монастыри играли важную роль в обеспечении заключенных пищей, а также стремились помочь им найти путь к исправлению и социальной реабилитации [1, с. 337].

Однако условия содержания заключенных в этих учреждениях зачастую оставляли желать лучшего: переполненность камер, нехватка пищи и медицинской помощи были распространенными явлениями. Существенным аспектом, который следует подчеркнуть, было вовлечение заключенных в трудовую деятельность. С одной стороны, это позволяло им обеспечивать свое существова-

ние, а с другой – служило средством их исправления и социальной реабилитации. Такой подход способствовал снижению уровня рецидивов и помогал заключенным восстанавливать свою репутацию в обществе.

Проблема пожаров в допетровской Руси имела множество аспектов и вызвала серьезные опасения среди населения. Пожары возникали по разным причинам, среди которых можно выделить использование открытого огня в быту, а также недостаточную противопожарную безопасность зданий и сооружений.

Городское строительство той эпохи часто не предусматривало защитных мер, что делало населенные пункты уязвимыми к возникновению масштабных возгораний. В условиях плотной застройки и отсутствия систем водоснабжения борьба с огнем становилась настоящим испытанием для жителей городов.

Единой системы управления тюремной системой в русском государстве в XVII в. не существовало. Тюрьмы находились в ведомстве Стрелецкого, Земского, Разбойного и др. приказов. На местах тюрьмами управляли воеводы и губные старосты. Их главной обязанностью было не допустить побегов осужденных с места заключения [2].

Деревянная тюрьма – это огражденный высоким забором двор, в котором ставилось несколько изб. Вокруг каждой избы также возводился частокол. Этот вид тюрем подразделялся на губные, в которых сидели за татьбу и разбой, «смертное убийство», поджог и воровство, и опальные, в которых находились осужденные за преступления в сфере экономики, «по писцовым искам».

Вышеперечисленные тюрьмы подразделялись на постоянные и временные. Постоянные тюрьмы находились в монастырях, а также в Москве и других городах. Временные тюрьмы строились главным образом в местах ссылки для приговоренных к отбыванию ссылки в тюрьме.

Тюремное заключение как вид уголовного наказания в русском государстве было феодальным. Оно обрекало человека, приговоренного к нему, на неизбежную и мучительную смерть. Условия для заключенных были очень тяжелые, помещения холодные, грязные и переполненные. В помещениях и на телах заключенных бесчинствовали паразиты. Иногда тюремное заключение соединялось с наказанием кнутом, имущественными взысканиями, в отдельных случаях с членовредительными наказаниями, могло соединяться со ссылкой (для религиозных и политических преступлений). Государство не заботилось о прокормлении заключенных. Они питались главным образом на свои средства или мирским подаянием. Для сбора пожертвований отряды закованных в кандалы заключенных под охраной стражников обходили городские улицы, где сердобольные горожане кидали им продукты. Особенно щедрыми были подаяния в дни больших церковных праздников – на Рождество, Пасху.

В 1662 г. во всех тюремных учреждениях вводится государственное жалованье, или кормовые деньги. Однако милостыня по-прежнему оставалась основным средством существования.

Новый вид уголовного наказания появляется в Соборном уложении 1649 г., а в 1699 г. в качестве новой меры наказания в России появляется каторга [3, с. 181].

Огромное значение при осуществлении функций охраны порядка имела борьба с пожарами. Ни в одном государстве пожары не были так часты и так

опустошительны, как на Руси. Это объяснялось тем, что деревянные строения, крытые соломой, в которых в основном проживало большинство населения, были сильно скучены.

Методы борьбы с пожарами включали создание добровольных пожарных команд, которые могли быстро реагировать на возникновение возгораний. Эти команды состояли из местных жителей, готовых прийти на помощь в случае бедствия. Для тушения огня использовались природные ресурсы, такие как вода из рек и озер. На уровне законодательства вводились меры, направленные на предотвращение возгораний, включая запреты на использование открытого огня в определенных местах и в определенное время.

Важным шагом в борьбе с пожарами стало создание специальных должностей, ответственных за проверку соблюдения правил пожарной безопасности. Примеры крупных пожаров, таких как Московский пожар 1547 года, наглядно продемонстрировали необходимость системного подхода к пожарной безопасности и ее критическую важность для сохранения общественного порядка.

Специализированных органов для тушения пожаров не было, оно возлагалось на население. Первые профилактические правительственные мероприятия против пожаров были предприняты Василием II в 1432 г. Эти меры главным образом сводились к указам и приказам, как обращаться с огнем. Запрещалось вольное обращение с огнем, разведение его около покосов и сеновалов, а также вблизи жилья.

Со второй половины XV в. происходят важные изменения в правилах градостроительства в столице, благодаря которым спустя много лет стало возможным полностью избавиться город от опустошительных пожаров. В 1485 г. Иван III начинает реконструкцию Кремля, применяя в качестве основного строительного материала кирпич [5, с. 26]. Строительство зданий из кирпича – это один из способов, которые были направлены на избавление города от стихийных опустошительных пожаров. После пожара 1493 г. Великий князь Московский Иван III Васильевич повелел снести все постройки вокруг Кремля на расстоянии 110 саженей (235 метров) [4, с. 115].

В 1504 г. Иван III издает противопожарные нормы, которые регламентируют правила пользования огнем в быту и ряд противопожарных мероприятий.

Иваном Грозным в 1547 г. после очередного пожара, уничтожившего большую часть города, было предписано: иметь во дворах на случай пожара бочки и чаны с водой, воспретить всем без исключения обывателям топить летом избы. Исполнение всех этих мер строго проверялось, виновные в их неисполнении жестоко карались. Немало бояр было казнено при Иване Грозном только по подозрению, что по их нарушению может сгореть Кремль.

После организации приказов пожарное дело было передано в ведение Земского приказа, который содержал за счет налога сто человек ярыжных, которые следили за противопожарным режимом и пресекали «бесчинства». Они же несли обязанность фонарщиков. Земские ярыжные были первыми наемными пожарными в России. Тушение возникающих пожаров по-прежнему возлагалось на население и стрельцов.

Важным этапом в развитии законодательства, посвященного борьбе с пожарами, стало Соборное уложение 1649 г. В этом документе регламентировались правила предупреждения пожаров, статьи сформулированы достаточно четко, чтобы не допускать кривотолков и вариаций. Жестоко карая за умышленный поджог (виновного сжигали живьем на месте пожарища), закон проводит гуманное начало за неосторожное обращение с огнем, видя в этом «промысл Божий». Для предупреждения пожаров и исполнения полицейских функций 6 апреля 1649 г. был принят Наказ о городском благочинии. В нем подтверждались прежние распоряжения относительно обращения с огнем, регламентировались права и обязанности объезжего головы и состав объезда [5, с. 27].

Объезд продолжался круглые сутки. Все жители, согласно наказу, должны были иметь необходимый противопожарный инвентарь. Наказ о городском благочинии и статьи Соборного уложения 1649 г. были первой попыткой нормировать пожарное дело в стране.

Таким образом, организация мест лишения свободы и борьба с пожарами в допетровской Руси являлись неотъемлемыми элементами социального устройства того времени. Эти аспекты жизни общества не только способствовали формированию правовой системы, но и обеспечивали безопасность населения в условиях нестабильности. Исследование данной темы открывает новые горизонты для более глубокого понимания исторического развития России и ее социальных институтов, а также позволяет осознать, как прошлое влияет на современность в контексте управления общественными институтами. Понимание этих процессов предоставляет ценную информацию для изучения истории России, а также для формирования стратегий по улучшению современных систем правопорядка и пожарной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иванов П.И. История зарождения и становления уголовного сыска в России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 336–339.
2. Мурсалов А.В. Отношение Российского государства к пожарам и определение мер по борьбе с ними на законодательном уровне: краткий исторический обзор (вторая половина XI – первая половина XVI в.) / Пожарная безопасность: проблемы и перспективы: сборник статей конференции. – Воронеж, 2016. С. 172–174.
3. Родионов А.В., Емельянова Е.В. Историко-правовое исследование процессов организации труда осужденных в России (XVI–XVII вв.) // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3(36). С. 179–185.
4. Стожко К.П. Сословная Россия: исторический опыт развития (X–XX вв.). – Екатеринбург: Ажур, 2024. – 168 с.
5. История органов внутренних дел. Часть 1: учебник / В.А. Лысенко, О.В. Котарева, С.Е. Воробушкин [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2025. – 208 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Назаров А.А.

(Академия управления МВД России)

Аннотация: в условиях глобализации и нарастания международных транспортных потоков развитие эффективной и безопасной системы дорожного движения приобретает важное значение. Международное сотрудничество выступает ключевым механизмом гармонизации нормативных правовых и технических стандартов, обмена передовыми технологиями и совместного решения комплексных проблем безопасности и инноваций в транспортной сфере. В статье представлен системный анализ основных направлений международного взаимодействия, рассмотрены ведущие институты и нормативные правовые акты, а также проанализированы современные вызовы и перспективы развития дорожного движения на глобальном уровне.

Ключевые слова: международное сотрудничество, дорожное движение, безопасность дорожного движения, стандартизация, транспортные технологии, инновации, устойчивое развитие.

INTERNATIONAL COOPERATION IN ROAD SAFETY AND DEVELOPMENT: A SYSTEM ANALYSIS

Nazarov A.A.

(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the context of globalization and increasing international traffic flows, the development of an effective and safe road traffic system is of great importance. International cooperation is a key mechanism for harmonizing legal and technical standards, sharing advanced technologies, and addressing complex issues related to safety and innovation in the transport sector. This article provides a systematic analysis of the main areas of international cooperation, examines leading institutions and legal acts, and analyzes current challenges and prospects for the development of road traffic at the global level.

Keywords: international cooperation, traffic, road safety, standardization, transport technologies, innovations, and sustainable development.

Глобализация и рост международных транспортных потоков обуславливают необходимость развития эффективной, безопасной и устойчивой системы дорожного движения. Международное сотрудничество является стратегическим инструментом для гармонизации нормативной правовой базы и техниче-

ских стандартов, обмена лучшими практиками и инновациями, а также совместного решения вопросов безопасности дорожного движения.

Международное сотрудничество в сфере дорожного движения охватывает множество аспектов: координацию транспортной политики, стандартизацию технических параметров, унификацию правового регулирования и обмен научной информацией. Основные формы включают интеграцию в международные сообщества, заключение международных соглашений, проведение совместных научных исследований и реализацию инфраструктурных проектов.

Для понимания сути и эффективности международного сотрудничества как комплексного и системного процесса рассмотрим ключевые организации и правовые акты, регулирующие международные отношения в области дорожного движения, их роль и значимость в обеспечении безопасности и развитии транспортной инфраструктуры:

1. Всемирная дорожная ассоциация (ПИАРК, PIARC). PIARC основана в 1909 году в г. Париже, объединяет специалистов из более 120 стран, является международной организацией и служит крупнейшей площадкой для взаимодействия экспертов и обмена опытом в области дорожного движения, обеспечивая методологическую поддержку и разработку технических норм. Ассоциация организует Всемирные конгрессы и координирует исследования в области улучшения дорожной инфраструктуры и безопасности [1].

2. Организация Объединенных Наций и Всемирная организация здравоохранения. ООН и ВОЗ осуществляют координацию мер для повышения безопасности дорожного движения, вовлекая государства, некоммерческие организации и частный сектор, что способствует формированию интегрированных подходов к решению проблем транспорта на глобальном уровне. В рамках ООН действует коалиция из 12 специализированных агентств и многочисленных организаций, включая Всемирную организацию здравоохранения, Всемирный банк, региональные комиссии и программы по развитию. Они совместно сотрудничают для повышения уровня безопасности на дорогах, разрабатывают стратегии, координируют национальные и международные планы по снижению дорожно-транспортных происшествий и травматизма. ВОЗ – специализированное агентство ООН, которое активно занимается вопросами безопасности дорожного движения, собирает и анализирует данные, публикует рекомендации и организует международные инициативы (например, Десятилетие действий по обеспечению безопасности дорожного движения) [2].

3. Конвенции. Женевская (1949) и Венская (1968) конвенции обеспечивают единство стандартов дорожных знаков, правил движения и ответственности участников дорожного движения, что способствует международной унификации и безопасности [3; 4].

Для понимания сути международного сотрудничества как комплексного процесса с рядом конкретных целевых задач в дорожной сфере необходимо рассмотреть основные направления сотрудничества. Данный анализ поможет системно раскрыть содержание международных усилий, показать их многоаспектность и стратегическую значимость, а также определить сферы, где требуется дальнейшее развитие и координация:

- повышение безопасности дорожного движения через разработку и применение методик анализа аварийности, совершенствование инфраструктуры и образовательных программ;
- стандартизация технических требований и нормативов, гарантирующих эффективный международный транспорт;
- координация научных исследований, обмен новыми технологиями и продвижение цифровизации систем управления дорожным движением [5, с. 68];
- взаимодействие при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в обеспечении транспортной доступности и восстановлении инфраструктуры [6, с. 185].

В современных условиях развития транспортной сферы международное сотрудничество сталкивается с рядом существенных вызовов, которые требуют скоординированных усилий и инновационных подходов. Рост объемов транспортных потоков, усложнение транспортных систем и повышение требований к безопасности становятся основной предпосылкой для разработки новых стратегий и международных программ.

Одним из ключевых вызовов является устойчивый рост числа транспортных средств и интенсивности перевозок на международных маршрутах. Это приводит к увеличению нагрузок на дорожную инфраструктуру, росту риска аварий, заторам и экологическим нагрузкам. В свете этого возрастает важность интеграции интеллектуальных транспортных систем (ИТС), цифровизации управления дорожным движением и внедрения инновационных решений, направленных на повышение безопасности и эффективности транспортных процессов.

Экологические аспекты также выходят на передний план. Увеличение транспортных потоков налагает особые требования к снижению выбросов вредных веществ и переходу на экологически чистые виды транспорта. Международное сотрудничество способствует обмену технологиями и выработке единых стандартов экологической ответственности, что содействует достижению целей устойчивого развития.

Другим вызовом является необходимость адаптации нормативной правовой базы к новым технологическим реалиям, таким как развитие автономного транспорта, электронного документооборота и автоматизации управления движением. Эти инновации требуют согласования международных стандартов и выработки универсальных норм, что невозможно без активного межгосударственного диалога и договоренностей.

В России в 2025 году, например, разработан и проходит обсуждение проект Стратегии повышения безопасности дорожного движения до 2030 года и перспективы до 2036 года. В документе изложены задачи снижения смертности в дорожно-транспортных происшествиях в 1,5 раза к 2030 году и в 2 раза к 2036 году по сравнению с показателями 2023 года. Стратегия основана на системном подходе, где ключевой ролью обладает воспитание и профилактика среди участников движения, компенсация ошибок участников транспортной системы на уровне инфраструктуры и транспортных средств, а также применение цифровых технологий и улучшение управления. Это отражает глобальные тенденции и задачи, стоящие перед международным сообществом [7; 8].

Российская Федерация активно участвует в международных программах по модернизации транспортной инфраструктуры и цифровизации дорожного движения, интегрируя национальные нормативные акты с международными стандартами. Реализуются совместные проекты с европейскими странами, развивается интеллектуальная транспортная система.

Таким образом, современные вызовы заставляют страны и международные организации погружаться в глубокую трансформацию подходов к безопасности, устойчивости и инновациям. Перспективы развития видятся в усилении взаимного обмена опытом, стандартизации, развитии цифровых платформ и комплексном подходе к управлению дорожным движением, что будет способствовать формированию безопасных и устойчивых транспортных систем в условиях растущей мобильности и технологического прогресса.

Международное сотрудничество в области дорожного движения – многоуровневый процесс, способствующий безопасности, инновациям и устойчивому развитию транспортных систем. Активное участие государства, науки и бизнеса создает условия для построения эффективной и экологически рациональной глобальной транспортной инфраструктуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Всемирная дорожная ассоциация (PIARC). Официальные рекомендации и документы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.piarc.org> (дата обращения: 01.07.2025).
2. Доклады Всемирной организации здравоохранения по безопасности дорожного движения. – Женева: ВОЗ, 2020. – 120 с.
3. Женевская конвенция о дорожном движении от 19 сентября 1949 г. // Ведомости международных договоров СССР. 1953. № 6. С. 33–38.
4. Венская конвенция о дорожном движении от 8 ноября 1968 г. // Ведомости международных договоров СССР. 1978. № 1. С. 9–24.
5. Дизер О.А. Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3(89). С. 63–70.
6. Дизер О.А. О совершенствовании чрезвычайного законодательства, регламентирующего защиту государства от внешней агрессии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5(117). С. 183–191.
7. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Проект Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] // МВД России. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-razrabotan-proekt-strategii-povysheniya-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya-v-rossiyskoy-f/> (дата обращения: 11.07.2025).
8. Федеральный закон «О полиции»: научно-практическое пособие: в 3 т. / А.Н. Гугунский [и др.]. – Москва, 2013. Т. 3. – 332 с.

9. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства Российской Федерации 1995. № 50. Ст. 4765.

10. Правила дорожного движения Российской Федерации: утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. – Москва, 2023. – 150 с.

УДК 340

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВОВЫХ И МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Напольских И.М.,

кандидат юридических наук

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности взаимосвязи правовых и моральных ценностей на примере романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Обосновывается, что наличие, а также характер и особенности сочетания правовых и моральных ценностей в индивидуальном правосознании детерминируют степень его развития. Недостаток ценностной составляющей морального свойства является предпосылкой пренебрежения правовыми нормами.

Ключевые слова: право и мораль, правовые ценности, право и литература, правосознание.

INTERRELATION OF LEGAL AND MORAL VALUES IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV"

Napolskikh I.M.,

Candidate of Law

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the article examines the features of the relationship between legal and moral values using the example of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". It is proved that the presence, as well as the nature and features of the combination of legal and moral values in individual legal consciousness determine the degree of its development. The lack of a moral value component is a prerequisite for disregard of legal norms.

Keywords: law and morality, legal values, law and literature, legal awareness.

Характерные черты конкретного исторического периода в значительной степени детерминируют его эстетику, отражающуюся в материальном и духовном восприятии мира. Право, являясь концентрацией духовных ценностей, в значительной степени определяет дух времени, характерные черты государственного и мирового исторического процесса. Данные характеристики отражаются в содержании права: специфических чертах правосознания, особенностях правовой культуры и путях понимания права в контексте художественного восприятия [4]. Его фактическое выражение, состоящее в предписании должных моделей поведения, отражается и доносится до общественного сознания, в том числе в образах художественной литературы. В этой связи литературные произведения могут являться силой, сопутствующей правовому регулированию общественных отношений [2].

На сегодняшний день в условиях особого внимания к аспектам духовного и нравственного развития общества обращение к литературному наследию Ф.М. Достоевского является актуальным и обоснованным. Диалог Федора Михайловича с обществом имеет длящийся характер и приобретает особое значение, определяя необходимость в новых осмыслениях [5]. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» [1], являясь гениальным произведением литературного творчества, содержит в себе отражение глубоких философских вопросов. В частности, посредством художественных образов отражается взаимосвязь правовых и моральных ценностей в ее непосредственности и многогранности.

Характеристики героев произведения символизируют различные аспекты человеческой природы и, соответственно, различное сочетание в их правосознании моральных и правовых ценностей. Высокая значимость моральных норм для отдельных героев произведения (к примеру, для Алексея) детерминирует соблюдение им правовых предписаний, ориентированность на созидательную деятельность, выражающуюся в готовности помогать другим, служить высоким идеям, заниматься самосовершенствованием. Для отца и братьев Алексея значимость моральных норм значительно ниже, что отражается в их правосознании и становится предпосылкой к помышлениям о противоправных деяниях и их реализации. Таким образом, автором обращается внимание на то, что если моральные основы человеческого сознания характеризуются кризисным состоянием, то по итогу это приводит к нарушению правовых норм. Это в полной мере согласуется с тезисом В.П. Малахова о том, что мораль и право «как формы действительности нельзя разделить. Они предстают как двуединство задач человеческой жизни в обществе, качественно различаются на уровне целей, но не ценностей. Между ними – функциональные различия, а не структурные и не сущностные» [5, с. 348].

Другой аспект исследуемой взаимосвязи проявляется в контексте явных проявлений деформации правового сознания. К примеру, нигилистические проявления Ивана, отраженные в его монологах о Боге, справедливости, должном поведении, показывают его абсолютную убежденность в собственной позиции (что не позволяет ему воспринять идеи брата Алексея). Наличие же сомнений в возможности высшей справедливости, отрицание абсолютных ценностей отражается впоследствии в его поведении. Мы видим, как Иван, несмотря на то,

что не участвует в совершении преступления непосредственно, понимает, что его отцу угрожает опасность и выражает молчаливое согласие на преступные проявления в отношении Федора Павловича.

Далее затронем аспект взаимосвязи религиозного и правового компонентов сознания человека. Христианские идеи, составляющие нравственную основу сознания Алексея, отражаются непосредственно в его действиях и установках. К примеру, по ходу сюжета неоднократно демонстрируется сказанная им фраза: «Будем, во-первых, и прежде всего, добры, потом честны, а потом – не будем никогда забывать друг о друге». И это неоднократно воплощается в жизнь его действиями. То есть идеи религиозного свойства формируют нравственные ориентиры, отражающиеся впоследствии в правовых ценностях, связанных в сознании человека с идеями справедливости, честности и взаимопомощи.

Таким образом, в произведении «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский демонстрирует, что моральные ценности и правовые нормы не могут существовать изолированно друг от друга. Залогом поддержания правопорядка в обществе выступает установка в общественном сознании о высокой значимости моральных ценностей.

Проанализировав вопрос взаимосвязи правовых и моральных ценностей на примере обозначенного романа, можно сделать вывод о том, что наличие, а также характер и особенности сочетания правовых и моральных ценностей в индивидуальном правосознании детерминируют степень его развития, а также поведенческие проявления личности в правовой жизни. Недостаток ценностной составляющей морального свойства является предпосылкой пренебрежения правовыми нормами. Реализация же противоправных действий – вопрос времени и (или) наличия соответствующих условий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Ленинград: Наука, 1975–1990 гг.
2. Дробышевский С.А., Протопова Т.В. Правовое регулирование социальных отношений и художественная литература / Право и литература: материалы Восьмых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. – Москва: Норма, 2014.
3. Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «юриспруденция» и «философия». – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 391 с.
4. Сигалов К.Е. Детектив как отражение специфики национальной правовой культуры / Право и литература: материалы Восьмых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. – Москва: Норма, 2014.
5. Тихомиров Б.Н. Религиозные аспекты творчества Ф.М. Достоевского. Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии: дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 567 с.

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ОПЕРАТИВНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Никулина А.С.;

Челядинов Д.В.,

кандидат технических наук;

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье проводится анализ исторического развития взаимодействия следственных и оперативных подразделений в Российской Федерации. Процесс формирования и эволюции данного института обусловлен его многолетней историей и особенностями функционирования. Важно определить генезис этого института, а также нормативную правовую базу, регламентирующую его деятельность. Это позволит более глубоко понять природу и специфику их взаимодействия в настоящее время.

Ключевые слова: органы внутренних дел, оперативные подразделения органов внутренних дел, органы предварительного следствия, взаимодействие.

**THE HISTORY OF THE ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTE
OF INTERACTION BETWEEN OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE
UNITS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES**

Nikulina A.S.;

Chelyadinov D.V.,

Candidate of Technical Sciences;

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the historical development of the interaction between investigative and operational units in the Russian Federation. The formation and evolution of this institution are influenced by its long history and specific features. It is important to identify the genesis of this institution and the legal framework that governs its activities. This will provide a deeper understanding of the nature and specifics of their current interaction.

Keywords: internal affairs bodies, operational units of internal affairs bodies, preliminary investigation bodies, interaction.

Взаимодействие между оперативными подразделениями и органами предварительного следствия – достаточно сложное и неоднозначное явление.

В целях наиболее полного и всестороннего рассмотрения сущности данного взаимодействия необходимо проанализировать историю становления отношений в России следствия с оперативными подразделениями как органом дознания. В случае с Россией процесс формирования и эволюции данного института определяется прежде всего его многолетней историей и узкой процессуальной спецификой. Рассматривая тематику исследования в области взаимодействия следователя и оперативных подразделений органов внутренних дел, целесообразно ознакомиться с историей возникновения и развития данного института. Необходимо понимать, откуда берет начало данный правовой институт, какими нормативными правовыми актами он регламентируется. Все это является необходимой базой для лучшего понимания самой сущности взаимодействия между органами предварительного следствия и оперативными подразделениями.

Как правовой институт взаимодействие следователя и оперативных сотрудников берет свое начало с периода становления Советского Союза. Октябрьская революция 1917 года коренным образом повлияла на существовавшее ранее большинство институтов государственной власти. С 1917 по 1922 год велась активная работа по созданию новых форм различных процессуальных институтов. Большинство процессуальных институтов в результате упразднения нашли свое законодательное отражение и закрепление в постановлениях и декретах, которые, в свою очередь, стали одним из символов нового постреволюционного нормотворчества.

Наибольшее упразднение было осуществлено в сфере прокурорского надзора и адвокатуры. Кроме того, институт мировых судей приостановил свое действие. Такие существенные перемены многое изменили в системе законодательства и не могли не отразиться на институтах следствия и дознания. Была создана новая система предварительного следствия, которая отличалась прежде всего упрощенным порядком, сокращением сроков и большим ограничением прав обвиняемого по сравнению в дореволюционном периодом [1].

Одним из первоначальных и наиболее значимых нормативных правовых актов в сфере регулирования взаимодействия между правоохранительными органами и следствием была принятая в 1918 году Инструкция НКВД и НКЮ РСФСР «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», которая расширяла круг компетенции рабоче-крестьянской милиции. К уже имеющимся полномочиям было добавлено осуществление розыска и дознания по уголовным делам, но только под руководством народных судей или следственных комиссий. Также отныне предусматривалось осуществление первоначальных следственных действий (обыск, осмотр, выемка и др.), которые могли проводиться аналогично только по санкционированию народными судами или следственными комиссиями.

На этом этапе деятельность оперативных подразделений представляла собой больше оперативно-разыскное обеспечение ведения следствия. На примере данного нормативного правового акта можно увидеть некоторое сходство при осуществлении предварительного расследования в настоящее время с предварительным производством эпохи пролетариата. Важно отметить, что Инструкция предусматривала осуществление взаимодействия между подразде-

лениями уголовного розыска с общей милицией и судебными органами.

К 1922 году все мероприятия по упразднению существовавших ранее государственных институтов в основном уже были завершены. Таким образом, в середине 1922 года были сформированы новые системы прокуратуры, адвокатуры и суда. Важным событием в том же году стало принятие на Третьем съезде ВЦИК нового Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Данный кодекс закреплял как процессуальное положение следователя и органа дознания, так и основные их отличия. Для нормативного регулирования этих вопросов была отведена специальная глава 8 «О дознании». В уголовно-процессуальном законодательстве устанавливалось, что дознание – это деятельность полиции, в то время как следствие – это проводимое следователем предварительное расследование [2].

Дознание представляло собой простейшие первичные действия, розыскные мероприятия для установления и закрепления в большей степени факта преступления. Проводилось оно сотрудниками рабоче-крестьянской милиции по простым и не требующим проведения сложных процессуальных действий делам. При расследовании серьезных преступлений должностные лица органа дознания в случае необходимости привлекались к проведению неотложных следственных действий в предусмотряемом порядке постановлениями следственных комиссий или суда.

Необходимо отметить, что в практическом аспекте дознание продолжало оставаться некоторой совокупностью розыскных мероприятий и мер, осуществляемых сотрудниками полиции для обеспечения ведения предварительного расследования. Через некоторое время органы дознания получили возможность проводить расследование по отдельным видам преступлений в полном объеме. В последующем круг расследуемых дел, переходивших к ведению дознания, становился шире, и в результате этого дознание все-таки обособилось в отдельную отрасль. Разница между дознанием и следствием стала менее существенна.

В 1923 году был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в новой редакции, но регламентация вопросов взаимодействия между следствием и органами дознания оставалась прежней. В 1924 году на Пятом Всероссийском съезде деятелей юстиции было принято решение о сближении институтов следствия и дознания, хотя в действительности это произошло гораздо раньше, что требовало нормативного закрепления вышестоящими органами [3]. Было утверждено, что органы дознания с настоящего момента будут осуществлять два вида деятельности, один из которых включал в себя такие первоначальные действия, как задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, выявление и сохранение следов, которые могли послужить вещественными доказательствами по уголовному делу, а второй предусматривал осуществление дознания во всех случаях, когда законом не было установлено проведение расследования по данному факту следователем.

Это означало, что органы дознания теперь были правомочны осуществлять предварительное расследование самостоятельно на всех его этапах. Однако отдельной регламентации для органа дознания не существовало: все процессуальные действия осуществлялись в соответствии с нормами уголовно-

процессуального законодательства, регулирующими деятельность следователей. Таким образом, материалы Пятого Всероссийского съезда деятелей юстиции внесли некоторые коррективы во взаимодействие органов следствия и дознания, но этого оказалось недостаточно, определенные проблемы были не проработаны еще долгое время. Некая неопределенность все-таки оставалась, это касалось в большей степени прав участников уголовного процесса – предусмотренные для них процессуальные гарантии нарушались, что, в свою очередь, приводило к нарушению законности.

Дальнейшее развитие в сфере взаимодействия институтов дознания и следствия можно наблюдать спустя 30 лет, когда возникла объективная необходимость в изменениях, соответствующих духу времени. Окончание Великой Отечественной войны, вступление в ООН и вследствие этого участвовавшее международное взаимодействие предопределило изменение отношения к сложившемуся в стране порядку правосудия.

25 декабря 1958 года были приняты Основы уголовного судопроизводства, а позднее – Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, датируемый 12 ноября 1960 года. Данные нормативные правовые акты вплоть до 1985 года оставались важнейшими в сфере регулирования вопросов по осуществлению деятельности органов следствия и дознания. Разграничение между данными органами теперь было определено более конкретно и емко. Статья 118 действовавшего на тот период времени Уголовно-процессуального кодекса РСФСР устанавливала, что деятельность органов дознания меняется в зависимости от категории дел, в расследовании которых они принимают участие. В первом случае они участвовали в обеспечении производства по делам, по которым осуществление предварительного следствия обязательно. Во втором случае была выделена категория дел, когда на основании акта органа дознания обвиняемый предавался суду без производства предварительного следствия [4].

Таким образом, хочется отметить, что история развития института взаимодействия между органами предварительного следствия и оперативными подразделениями органов внутренних дел взяла свое начало с периода становления Советского Союза. Важную роль в развитии и становлении института взаимодействия между органами следствия и дознания сыграло нормативное правовое регулирование, которое и по настоящий день позволяет координировать и разграничивать полномочия и компетенцию между указанными органами. В большей степени от него будет зависеть слаженность и отсутствие правовых недочетов при осуществлении предварительного расследования. Обращение к опыту прошлых лет является важным и неотъемлемым элементом любого исследования, поэтому было необходимо изучить генезис взаимодействия следователя и органа дознания в отечественном праве, поскольку это не только создает общее представление о существовавшем ранее положении дел, но и дает возможность учесть ошибки прошлого, перенести имеющийся опыт на современный этап.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Цеков М.А. Возникновение и развитие системы органов дознания // Молодой ученый. 2020. № 21(207). С. 409–414.

2. Васильев Д.В. Особенности организации взаимодействия следователя с оперативными подразделениями / Правовые и экономические аспекты обеспечения национальной безопасности: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2020. С. 31–35.

3. Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для вузов / под ред. Е.С. Дубоносова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2023. – 420 с.

4. Сушина Т.Е., Антонович Е.К., Вилкова Т.Ю. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. Л.А. Воскобитовой. – Москва: Юрайт, 2021. – 241 с.

УДК 343.791

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ,
ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ И ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Новоселов Н.Г.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются нормативные правовые меры, принимаемые советской властью в борьбе с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в первые годы становления Советского государства. Анализируются концептуальные основы первых нормативных правовых актов в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: советская власть, незаконный оборот, оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства.

**LEGAL REGULATION TRAFFICKING OF WEAPONS, AMMUNITION,
EXPLOSIVES AND EXPLOSIVE DEVICES IN THE EARLY YEARS
OF SOVIET POWER**

Novoselov N.G.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the regulatory legal measures taken by the Soviet government to combat the illicit trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices in the early years of the formation of the Soviet state. The conceptual foundations of the first regulatory legal acts in the field under consideration are analyzed.

Keywords: soviet government, illegal trafficking, weapons, ammunition, explosives, explosive devices.

В настоящее время Российская Федерация переживает один из наиболее сложных этапов своего исторического пути. Проведение специальной военной операции, противостояние экономическим санкциям и политическому давлению со стороны недружественных государств обязывают все внутренние силы консолидироваться и противостоять различным угрозам. Одной из таких угроз является незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Исторический анализ нормативных правовых и организационных мер, принимаемых Советским государством в рассматриваемой сфере, позволит проанализировать и аффилировать их концептуальные доминанты в современную нормативно-творческую и практическую деятельность сотрудников органов внутренних дел.

Обращаясь к историческому генезису данной актуальной проблемы необходимо проанализировать ситуацию, которая возникла в сфере противодействия незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в первые годы советской власти. Следует отметить, что после Октябрьской революции 1917 года Россия попала в критическое положение, которое по своим историческим, фундаментальным доминантам имеет схожую ситуацию и с реалиями сегодняшнего дня. Участие в боевых действиях Первой мировой и Гражданской войн, разгул преступности, экономический кризис, международная изоляция – все эти детерминанты привели советскую власть к принятию беспрецедентных мер по стабилизации ситуации в стране. Эти меры коснулись и незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывных веществ и взрывных устройств.

Первым таким шагом в борьбе с преступностью, бандитизмом и незаконным оборотом оружия и боеприпасов явилось принятие III Всероссийским съездом Советов Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа (1918 г.), где в п. 5 определяется цель советского государства на близлежащую перспективу – «обеспечение всей полноты власти за трудящимися массами и устранение всякой возможности восстановления власти эксплуататоров». Обозначаются задачи для достижения данной цели:

- полное разоружение имущих классов;
- образование социалистической Красной армии рабочих и крестьян [1].

10 декабря 1918 года издается Декрет Совнаркома РСФСР «О сдаче оружия». В соответствии с данным нормативным правовым актом каждый гражданин, который имел в своем владении оружие, как исправное, так и неисправное, обязывался сдать его на хранение в государственные органы. При этом речь шла даже о том оружии, на которое граждане ранее получили соответствующее разрешение. Теперь оно признавалось советской властью недействительным. Аналогичные правила распространялись и на боеприпасы к оружию, а также взрывные устройства.

Рассматриваемый Декрет, помимо требований о сдаче оружия, устанавливал и меры юридической ответственности, применяемые к виновным в нарушениях гражданам. Что примечательно, к ответственности могли быть

привлечены не только граждане, которые в срок не сдали оружие или вовсе осуществляли его укрывательство, но и должностные лица, осуществляющие свои обязанности по сбору оружия ненадлежащим образом [2].

20 июня 1919 г. издается Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» [3], который закрепляет ответственность (вплоть до расстрела) за бандитизм, контрреволюционную террористическую деятельность, сокрытие оружия, совершение вооруженных грабежей и разбоев.

В 20-е годы Советское государство стремится упорядочить и нормативно определить вопросы выдачи и хранения огнестрельного оружия. 12 июля 1920 года Совет Народных Комиссаров издает Декрет «О выдаче и хранении огнестрельного оружия и обращении с ним» [4]. Он предписывает право на хранение и использование оружия только военным и милиции, а также вводит запрет на его передачу третьим лицам. Кроме этого, Декрет устанавливал ответственность:

- за незаконное хранение огнестрельного оружия, в том числе если лицо не имело умысла использовать его при совершении преступления;
- стрельбу в воздух в местах массового нахождения граждан;
- беспричинную стрельбу лицам, кому оружие разрешено использовать в соответствии с выполнением ими служебных обязанностей;
- незаконную выдачу оружия лицам, не имеющим соответствующего разрешения;
- небрежное обращение с огнестрельным оружием, которое привело к несчастному случаю;
- прицеливание в общественных местах;
- выдачу оружия лицам, не умеющим обращаться с ним и не принявшим мер к обучению правилам обращением с оружием, если его использование привело к несчастному случаю.

17 октября 1921 года Совет Народных Комиссаров РСФСР издает Декрет «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» [5], где в п. 10 власти сообщают требования об обязательной безвозмездной сдаче оружия и боеприпасов государству гражданами, а при выявлении фактов их хранения санкционируют привлечение таких лиц к уголовной ответственности.

Контроль за исполнением Декрета возлагается на чрезвычайную комиссию и милицию, от которых советская власть требовала активной работы по исполнению декларативных норм.

Таким образом, непростая военная, экономическая, социальная и криминальная ситуация в России в первые годы советской власти привела руководство страны к принятию стабилизационной политики и проведению превентивных мер по нормализации положения в различных сферах жизнедеятельности государства. Эти меры коснулись вопросов противодействия незаконному обороту оружия и боеприпасов и были направлены не только на повышение эффективности деятельности различных государственных структур, но и на принятие различных нормативных правовых актов в данной сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа [Электронный ресурс] // Информационный портал «Конституция РФ». – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5320/> (дата обращения: 18.04.2024).
2. Декрет СНК от 10 декабря 1918 г. «О сдаче оружия» // СУ. 1918. № 93. Ст. 933.
3. Декрет ВЦИК «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 г. Упр. делами Совнаркома СССР. – Москва, 1943. – 886 с.
4. Декрет Совета Народных Комиссаров от 12 июля 1920 г. «О выдаче и хранении огнестрельного оружия и обращении с ним» // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов 1920. № 160.
5. Декрет Совета Народных Комиссаров от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» / Культура в нормативных актах советской власти. 1917–1922. – Москва: Юстицинформ, 2009. – 384 с.

УДК 93/94

ТЫЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Радченко М.Л.,

кандидат исторических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: Великая Отечественная война прочно связана с системой ценностей Российского государства, общества, каждого гражданина нашей страны и граждан постсоветского пространства. Актуальность событий тех времен продолжает вызывать интерес многих исследователей как советской истории, так и общемировой истории в целом. Особенно это становится важным в условиях современного геополитического противостояния и тенденции к фальсификации исторических фактов. Не менее острым представляется вопрос о развитии в годы войны советского тыла, об организации повседневной жизни и обострении внутреннего положения в связи с ухудшением общей криминогенной обстановки и ростом преступности среди населения, в том числе в среде несовершеннолетних.

Ключевые слова: советский тыл, Великая Отечественная война, преступность, преступность среди несовершеннолетних, деятельность НКВД.

HOME FRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: ON THE ISSUE OF JUVENILE DELINQUENCY HOME FRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: ON THE ISSUE OF JUVENILE DELINQUENCY

Radchenko M.L.,

Candidate of Historical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the Great Patriotic War occupies a key place in the lives of Russian citizens and citizens of the post-Soviet space. The relevance of the events of those times continues to arouse the interest of many researchers, both of Soviet history and of world history in general. This is especially important in the context of modern geopolitical confrontation and the tendency to falsify historical facts. No less acute is the issue of the development of the Soviet rear during the war, the organization of everyday life and the aggravation of the internal situation in connection with the deterioration of the general crime situation and the growth of crime among the population, including among minors.

Keywords: Soviet rear, Great Patriotic War, crime, juvenile delinquency, «NKVD» (People's Commissariat of Internal Affairs) activities.

В год 80-летия Великой Победы вопросы, касающиеся событий тех времен, приобретают максимальную актуальность. Не становятся исключением в этом контексте и вопросы организации тыла в годы войны. Великая Отечественная война – это тяжелое испытание как для фронта, так и для советских граждан, находящихся в тылу и прилагающих максимум усилий для организации помощи фронту. Но война стала также непростым испытанием для правоохранительных органов. Поскольку часть сотрудников органов внутренних дел была мобилизована в Красную армию, резко уменьшился кадровый состав, что неблагоприятно сказалось на положении тыловых городов, поскольку увеличилось количество преступлений в регионах [5, с. 146]. Массовая эвакуация предприятий и людей существенно осложняла криминогенную обстановку в тыловых городах, прежде всего Сибирского региона. Рос уровень преступности и среди несовершеннолетних.

Способствовала этому, как было отмечено, миграция населения, в том числе в тыловых регионах увеличивалось количество граждан, не только являющихся вынужденными переселенцами, но и граждан, имеющих криминальное прошлое, перемещающихся в сторону тыла в целях уклонения от мобилизации и иным причинам не всегда законного характера.

Статистические данные, представленные по Сибирскому региону, указывают, что в годы войны преобладали преступления, имеющие экономическую направленность. Так, из общего числа совершаемых преступлений по Красноярскому краю около 42% преступлений имели экономический характер [4, с. 159]. Это было обусловлено прежде всего продовольственным кризисом и, как след-

ствии, голодом, введением карточной распределительной системы. Карточная система способствовала росту спекуляции, краж, хищения, в целом увеличению числа преступлений. Так, например, в 1941 году в Красноярском крае было рассмотрено 323 дела о спекуляции продовольственными товарами [4, с. 160].

Ухудшение криминогенной обстановки и регулярные перебои с продовольственными поставками, карточная система распределения способствовали росту детской преступности. А прибывающие «криминальные элементы», освобожденные из мест заключения и перебирающиеся в тыл, дальше от линии фронта, были склонны подталкивать несовершеннолетних к совершению противозаконных действий.

Положение детей и подростков в годы войны было довольно тяжелым. Это было обусловлено не только общими тяготами военного положения, но и тем, что основная часть несовершеннолетних по объективным причинам оставалась без надзора. Причиной тому была мобилизация взрослого мужского населения на фронт и привлечение большей части женщин к работе на производстве с целью обеспечения помощи фронту. Оставшиеся без родительского контроля дети и подростки попадали под влияние улицы и взрослого криминализованного населения, вовлекались в организованные банды и сообщества [3, с. 78].

Наблюдая ухудшение ситуации относительно роста детской преступности, государство предпринимало попытки борьбы с детской преступностью и беспризорностью. Так, 23 января 1943 года было принято постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [6], предполагавшее в том числе создание специальных комиссий по решению этого социально острого вопроса, куда входили, помимо сотрудников НКВД, представители социального обеспечения, народного образования, профсоюза и комсомола [2, с. 90]. Однако ослабление контроля со стороны социальных и правоохранительных органов, вследствие ухудшения обстановки в регионе, не привело работу комиссий к эффективным результатам. Об этом может свидетельствовать и то, что 15 июня 1943 года было принято очередное постановление СНК СССР «Об усилении мер по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» [7], подкрепленное в том же 1943 году постановлением СНК СССР «О трудоустройстве подростков старше 14 лет из детских домов» [8]. В 1943 году обостренная ситуация с увеличением роста преступности среди несовершеннолетних привела к тому, что согласно постановлению СНК от 15 июня 1943 года впервые при НКВД создавались специализированные подразделения для детей и подростков, обвиняемых в совершении деяний преступного характера [3, с. 79]. О нерешенности проблемы к 1944 году дает основание говорить июльское постановление СНК СССР «Об увеличении количества детей в детских трудовых воспитательных колониях...» [2, с. 90; 9].

В принципе, нерешенность вопроса относительно роста детской преступности представляется вполне очевидной и может быть обусловлена наличием продовольственной проблемы в стране. Так, как и в случае со «взрослой» преступностью, совершаемые противоправные деяния носили во многом имущественный характер. Основным предметом краж, хищения становились продукты питания и

вещи, которые возможно было обменять на еду. Из всех видов преступлений, совершаемых несовершеннолетними, 85% составляли кражи [1, с. 6].

Достаточно интересные сведения представлены в исследованиях Л.Э. Мезит, использующей материалы Государственного архива Красноярского края. Например, в Красноярске в 1942 году двое школьников в течение двух месяцев регулярно отбирали у своих одноклассников деньги и хлеб. А в Канске учащиеся 7-го класса неоднократно совершали грабежи квартир своих одноклассников [3, с. 80].

Совершаемые подростками кражи, грабежи, хищения требовали усиления контрольных мер со стороны правоохранительных органов. В попытках предотвратить рост детской преступности сотрудники милиции регулярно проводили рейды по изъятию безнадзорных и беспризорных из их привычных мест обитания: рынков, парков, вокзалов, людных мест, скверов. По данным архивных материалов, только за 1943 год на улицах находилось порядка 600 беспризорных детей и 1000 безнадзорных, представлявших собой несовершеннолетних преступников. По инициативе сотрудников милиции родителей и опекунов, не организовавших надлежащей опеки над детьми и способствовавших (прямо или косвенно) приобщению несовершеннолетних к преступному миру, надлежало привлекать к административной ответственности [1, с. 7].

Но, несмотря на применяемые правоохранительными органами меры, уровень преступности среди несовершеннолетних продолжал оставаться высоким. Это можно объяснить тем фактом, что общая работа проводилась не всегда организованно и планомерно вследствие того, что органы милиции испытывали нехватку кадров. И регулярно организовывать подомовый обход и контроль над деятельностью несовершеннолетних было затруднительно при малом количестве сотрудников.

В целях организации профилактических мер и пресечения преступной деятельности несовершеннолетних местными властями также проводился ряд мероприятий, в частности основополагающей задачей являлся максимальный охват беспризорных и безнадзорных детей школьным обучением. С этой целью открывались новые учебные заведения, создавались комиссии по устройству детей в школы с последующим специализированным обучением или трудоустройством [3, с. 81]. Однако в связи с тяготами войны и острой необходимостью трудовых ресурсов несовершеннолетние, прикрепленные к образовательным организациям, уходили на производство, и родителям или опекунам (в большинстве случаев женщинам, занятым на производстве) не всегда удавалось контролировать деятельность детей и подростков. Нехватка кадров в правоохранительных органах приводила к бессистемной работе по профилактике преступности среди несовершеннолетних, делая ее малоэффективной. А по причине тяжелого материального положения детприемники, детские дома и образовательные учреждения не могли в полной мере обеспечить подростков всем необходимым. Это вело к побегам несовершеннолетних и возвращению их на улицу, в криминальную среду. Поэтому на протяжении военных лет, несмотря на принимаемые государством меры, уровень преступности среди несовершеннолетних оставался стабильно высоким, что в разы усложняло обстановку в тылу страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Емелин С.М. Борьба с несовершеннолетней преступностью в годы Великой Отечественной войны // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 1. С. 3–6.
2. Красноженова Е.Е. Борьба с детской беспризорностью в Нижнем Поволжье в период Великой Отечественной войны // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2013. Вып. 1. С. 89–93.
3. Мезит Л.Э. Борьба с детской преступностью в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2020. № 3(11). С. 77–83.
4. Скляренко Н.С. Состояние преступности в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны / Великая Отечественная война: пространство исторической памяти и славы: материалы краевого молодежного исследовательского проекта, посвященного 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Красноярск, 2021. С. 159–161.
5. Суверов Е.В., Малкова Ю.А. НКВД Красноярского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 145–154.
6. Постановление СНК СССР от 23.01.1942 № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление СЕК СССР от 15.06.1943 № 659 «Об усилении мир борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление СНК СССР от 23.01.1942 № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление СНК СССР от 06.06.1944 № 827 «Об увеличении количества детей в детских трудовых воспитательных колониях НКВД СССР и о материальном обеспечении детских приемников-распределителей и трудовых воспитательных колоний» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 230.

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОПАГАНДЫ
И КОНТРПРОПАГАНДЫ В КОНТЕКСТЕ
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Скандаков И.П.,

кандидат философских наук
(УМВД России по Белгородской области);

Киданова Н.Л.,

кандидат экономических наук
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье раскрыты особенности основных категорий пропаганды и контрпропаганды, их организации, аппарата, средств и методов осуществления, а также порядка проведения мероприятий, связанных с защитой личного состава от информационно-психологического воздействия противника, в том числе при несении службы в особых условиях.

Ключевые слова: пропаганда, контрпропаганда, безопасность.

**THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF PROPAGANDA
AND COUNTER-PROPAGANDA IN THE CONTEXT
OF INFORMATION COUNTERACTION**

Skandakov I.P.,

Candidate of Philosophy Sciences
(Ministry of Internal Affairs of Russia for the Belgorod Region);

Kidanova N.L.,

Candidate of Economic Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article reveals the features of the main categories of propaganda and counter-propaganda, their organization, apparatus, means and methods of implementation, as well as the procedure for carrying out activities related to the protection of personnel from the information and psychological effects of the enemy, including when serving in special conditions.

Keywords: propaganda, counter-propaganda, security

Пропаганда и контрпропаганда представляют собой две взаимосвязанные и взаимопроникающие категории, олицетворяющие единство и борьбу противоположностей. Невозможно представить себе пропагандистские и контрпропагандистские мероприятия отдельно друг от друга. Пропаганду можно рассматривать с разных точек зрения, определяя ее сущность. Советские специа-

листы полагали, что пропаганда является средством регулирования общественных отношений путем формирования социальных установок в необходимом направлении.

Пропагандой называют распространение информации в целях воздействия на общественное мнение и в широком смысле на массовое сознание. В узком понимании – воздействие с помощью информации на личный состав органов внутренних дел.

Субъекты пропаганды и контрпропаганды достаточно многообразны. Ими могут выступать государственные органы, социальные институты, общественные объединения и организации, социальные группы, отдельные юридические и физические лица. Объекты пропаганды и контрпропаганды можно разделить на следующие группы – все население страны, государственный аппарат, социальные институты, социальные группы, отдельные должностные лица и т.д.

Субъекты, объекты пропаганды и контрпропаганды схожи. Деление на субъект и объект определяется тем, кто на кого оказывает информационное воздействие. Отечественные специалисты советского периода считали, что индивид не является пассивным объектом информационного воздействия. Теоретики и практики советской пропаганды исходили из того, что индивид в аудитории «легко и просто воспринимает одну информацию и никак не реагирует на другую, проявляет живой интерес к одним сведениям и остается совершенно равнодушным к другим. Само восприятие индивидом информации также оказывается различным в зависимости от его субъективных особенностей, одни сведения он берет, так сказать, в готовом виде, другие критически осмысливает, перерабатывает, исправляет, и они откладываются в его памяти не в первоначальной, а скорректированной форме». Чаще всего пропагандистские действия на простейшем уровне представляются в следующей форме: коммуникатор (субъект пропаганды или контрпропаганды) – коммуникация (передача информации) – реципиент (объект пропаганды и контрпропаганды). Сообщение является связующим звеном между объектом и субъектом, оно образует основной элемент пропагандистской деятельности. Субъект пропаганды и контрпропаганды (пропагандист, агитатор и т.д.) не может ограничиться технической подачей информации, он обязан учитывать социально-психологические характеристики аудитории, осуществляя тем самым воспитательную функцию информационно-пропагандистской деятельности.

Пропагандистское или контрпропагандистское сообщение должно быть доведено до адресата в некоторой законченной и понятной форме. Такую форму часто называют пропагандистским сообщением. Оно имеет единичную форму и может представлять собой лекцию, доклад, плакат, газетную статью, листовку, лозунг и др. При этом не каждое сообщение может называться пропагандистским, а только соответствующим образом подготовленная информация, учитывающая стоящие перед ней потребности.

В процессе информационно-пропагандистской работы и контрпропаганды используются следующие приемы: внушение, убеждение, замедление темпа изложения, использование эпитетов. Чаще всего они применяются при устной пропаганде, которая представляет собой взаимосвязанный комплекс пропаган-

дистских сообщений, средств их передачи и приемов пропагандистского воздействия. Пропаганда строится таким образом, что в первую очередь обращается к эмоциям и чувствам объекта пропаганды. Например, украинские пропагандисты через средства массовой информации тиражировали легенды (фэйки, симулякры) об изнасилованных украинских детях. Этим они добивались следующего эффекта: вызывали чувство ненависти по отношению к российским солдатам, создавали образ бесчеловечного врага, сплачивали украинский народ для отпора этому врагу.

Таким образом, пропаганда позволяет манипулировать эмоциями, чувствами и настроением народных масс в целях достижения желаемого результата. При этом необходимо понимать, что манипуляция будет действовать только пока субъект пропаганды не понимает, что им манипулируют. Так, американские специалисты Д. Креч и Р. Крачфилд согласны с мнением о пропаганде, данным американским психологом У. Байдлом, который считал, что под влиянием пропаганды «каждый индивид ведет себя так, как если бы его поведение вытекало из его собственных решений. Точно так же можно манипулировать поведением группы людей, причем каждый член группы будет считать, что он поступает по собственному разумению». Указанный подход опирается на установку, что объектом пропаганды являются эмоциональные переживания человека, а не его ум. Предполагается, что процесс убеждения разумного человека слишком долгосрочен и крайне ненадежен, поэтому воздействие на эмоции – основа основ пропаганды.

Для достижения необходимого эффекта пропаганда должна осуществляться постоянно, целенаправленно. Постоянство предполагает вызывание одних и тех же рефлексов. Появление рефлексов вызывается использованием приемов пропаганды, направленных на подсознание: внушение, заведомый обман и т.д. Их использование позволяет значительно снизить критичность мышления людей. Условно можно выделить три направления пропаганды: 1) на собственный народ и армию; 2) народ противника и его армию; 3) нейтральные страны. При этом действия пропагандистских акций (информационно-психологических воздействий), которые использует противник, направлены на низменные чувства людей в целях побудить страх, ненависть, ужас, дезорганизовать психику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Информационно-психологическая война / сост.-ред. А.Е. Тарас. – Минск: Харвест, 2016. – 352 с.
2. Организация контрпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом: научно-практическое пособие / под ред. А.Н. Новикова. – Москва: АТЦ СНГ, 2020. – 232 с.
3. Техника пропаганды в мировой войне / перевод с англ. Г.Д. Лассуэл; сост. и переводчик В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко; вступ. Д.В. Ефременко, И.К. Богомоллова. – Москва, 2021. – 237 с.

ЦИФРОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЙ

Сорокопуд М.С.,

кандидат философских наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: цифровая инфраструктура является не просто совокупностью технических средств, поддерживающих обработку и передачу данных, но фактором глубокой трансформации социально-культурной реальности. В статье рассматривается влияние цифровой среды на структуру социальности, формы идентичности, механизмы культурной трансляции и философские модели понимания бытия в цифровую эпоху. На основе идей М. Кастельса, Ж. Бодрийяра, А. Гэллоуэя, а также отечественных исследователей (А.В. Федорова, С.М. Фроловой и других) предлагается философская интерпретация цифровой инфраструктуры как среды формирования новых форм культурной субъектности и сетевого общественного порядка.

Ключевые слова: цифровая инфраструктура, цифровизация, сетевое общество, власть, конструируемая реальность.

DIGITAL INFRASTRUCTURE AND ITS ROLE IN FORMING SOCIAL AND CULTURAL CONDITIONS

Sorokopud M.S.,

Candidate of Philosophical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: digital infrastructure is not just a set of technical means that support data processing and transmission, but also a factor in the profound transformation of socio-cultural reality. The article examines the influence of the digital environment on the structure of sociality, forms of identity, mechanisms of cultural transmission and philosophical models of understanding being in the digital age. Based on the ideas of M. Castells, J. Baudrillard, A. Galloway, as well as domestic researchers (A.V. Fedorov, S.M. Frolova and others), a philosophical interpretation of digital infrastructure as an environment for the formation of new forms of cultural subjectivity and network public order is proposed.

Keywords: digital infrastructure, digitalization, network society, power, constructed reality.

Феномен цифровой инфраструктуры, изначально воспринимаемый как инструментальный и утилитарный, сегодня приобретает статус самостоятельной

культурно-онтологической силы, способной переопределять сами основания социальности. Если в XX веке техника интерпретировалась сквозь призму философии техники (М. Хайдеггер, Ж. Эллюль, Ж. Симондон), то XXI век требует философии цифрового как онтологического, этического и культурного явления.

Развитие цифровых технологий не просто сопровождается изменениями в способах коммуникации и производства информации, оно формирует новую социальную ткань, структуру взаимодействий и самоощущение субъекта. В центре современного философского анализа актуальным является вопрос: как цифровая инфраструктура влияет на становление социальных и культурных форм и какое будущее предрекает нам сетевое бытие?

Под цифровой инфраструктурой понимается система организационных структур, подсистем, обеспечивающих функционирование и развитие информационного пространства страны и средств информационного взаимодействия [2]. Однако философский интерес к ней заключается не столько в техническом описании, сколько в понимании ее как среды, в которой разворачиваются новые формы социальной жизни.

Характеризуя сетевое общество, М. Кастельс подчеркивает, что структура власти и коммуникации смещается из иерархических институтов в распределенные сети [3]. По мнению автора, цифровая инфраструктура становится не просто технической, а «инфраструктурой значения», на которой базируются экономические, политические и культурные процессы.

Французский философ Б. Латур, рассуждая о классическом разделении на «общественное» и «техническое», настаивает на акторно-сетевой теории [10]. Суть концепции заключается в том, что все элементы в социальном и природном мирах, человеческие и нечеловеческие, взаимодействуют в меняющихся сетях отношений. При этом нет никаких элементов, которые бы находились за пределами этих сетей. С этой точки зрения цифровые технологии можно рассматривать как соучастников социокультурной динамики, наравне с людьми и институтами.

Культура как система смыслопроизводства переживает в цифровую эпоху радикальные изменения. По мнению С.М. Фроловой и Е.В. Листвиной, цифровая среда «не столько транслирует культуру, сколько репродуцирует ее в новых формах, основанных на фрагментации, меметичности и алгоритмическом управлении» [7].

Французский философ-постмодернист Ж. Бодрийяр в социально-философском трактате «Символический обмен и смерть» предсказывал наступление эпохи симулякров, в которой реальность замещается знаками без референта [1]. В этом смысле цифровая культура представляет собой пространство, в котором оригинал и копия становятся неотличимыми, а культурная память трансформируется в поток бесконечного обновления контента.

Цифровая инфраструктура превращает культуру в «данные», которые можно передавать, агрегировать и перерабатывать. Согласно концепции Л. Мановича, визуальная культура XXI века предстает как феномен программируемой культуры, в которой процессы креативности неразрывно связаны с алгоритмами и интерфейсами [4]. Здесь имеются в виду идеи, развернутые

в его работе «Теории софт-культуры», в которой утверждается, что основой современной среды обитания человека становится не столько информация как таковая и не просто коммуникационные средства, сколько программное обеспечение как инфраструктурное условие существования в цифровую эпоху. В условиях софт-культуры доступ к культурным артефактам (книгам, изображениям, письмам, аудиовизуальному контенту) осуществляется исключительно с помощью программных оболочек (поисковых систем, визуализаторов, текстовых и медиаредакторов).

Согласно мнению автора цифровые программы и платформы формируют радикально новые паттерны производства и потребления культурного контента. Паттерны характеризуются такими признаками, как постоянное копирование, скольжение между фрагментами информации, произвольность остановок и навигации, а также повсеместность монтажной логики. Тем самым культура приобретает свойство «программируемости» не только на уровне технических инструментов, но и на уровне онтологических модусов восприятия и создания смысла. Креативность перестает быть исключительно интенцией субъекта и все более определяется архитектурой цифровых интерфейсов, задающих формы и пределы возможного действия.

Современная цифровая инфраструктура трансформирует не только формы культурного производства, но и саму структуру социального. Лишенные пространственной, юридической и институциональной стабильности виртуальные сети формируют новые типы сообществ, чья легитимность строится на аффективной и символической вовлеченности, а не на физической локализации. В этом контексте особое значение приобретает понятие «цифровой идентичности», которую А.В. Федоров определяет как неустойчивую, множественную и постоянно пересобираемую конструкцию, возникающую в процессе непрерывных онлайн-взаимодействий [6]. Социальные медиа, цифровые аватары и платформенные интерфейсы становятся не только пространством самопрезентации, но и ареной сложных процессов конструирования субъективности.

Развивая критику цифрового пространства, философ А. Гэллоуэй указывает на то, что последнее не следует понимать как нейтральную или прозрачную среду, а напротив, цифровая топология обладает собственным онтологическим весом, будучи сконструированной через архитектуру протоколов и интерфейсов [9]. В результате не только способы взаимодействия, но и сам диапазон социального воображаемого, то есть то, что мы считаем возможным, допустимым или реальным в социальной реальности, обусловлены логикой цифровой инфраструктуры. В этом смысле цифровая культура оказывается не просто новым медиумом, но новой формой власти и организации социального пространства.

Одним из центральных вызовов цифровой эпохи является проблема цифрового неравенства. Если в модерности неравенство строилось на доступе к экономическим ресурсам, то сегодня оно проявляется в неравномерном доступе к цифровым инструментам, знаниям и алгоритмической власти.

Социальный философ П. Вирилио говорил о «скоростном разрыве» между теми, кто может участвовать в цифровом пространстве на равных правах, и теми,

кто исключен из него [11]. В этом контексте цифровая инфраструктура парадоксально выступает как средство включения и одновременно маргинализации.

По мнению некоторых отечественных исследователей [5], цифровое неравенство усиливает социальную стратификацию и требует новой философии справедливости, ориентированной не на перераспределение благ, а на перераспределение доступа к цифровым возможностям.

Цифровая инфраструктура формирует новую онтологию бытия. Если традиционно философия различала реальность и воображаемое, материальное и символическое, то в цифровом пространстве эти дихотомии теряют актуальность.

Б. Браттон предлагает интерпретировать цифровую инфраструктуру как «мегаструктуру», охватывающую все уровни – от кода до планетарных систем. Указанная «техноонтология» требует нового языка и новых философских рамок для описания бытия в эпоху платформ и данных. Технологии не просто обслуживают культуру, но образуют особые формы культурной логики. В цифровую эпоху эта логика определяется не диалогом, а метаданными, не смыслом, а структурой алгоритма.

В результате цифровая инфраструктура является не просто технологической основой современного общества, обеспечивающей доступ к информации, коммуникации и данным, а становится самостоятельной онтологической и культурной силой, трансформирующей фундаментальные категории человеческого существования – от субъективности до власти, от культуры до социальной солидарности. В эпоху сетевых технологий и платформенного капитализма именно цифровая среда начинает определять контуры социальной реальности, становясь неотъемлемой частью социального бытия.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

– цифровая инфраструктура является не вспомогательным средством, а структурообразующим фактором современной культуры и общества. Она формирует новые формы взаимодействия, трансформирует институты, подменяет локальную принадлежность глобальной взаимосвязанностью;

– социальная идентичность в цифровую эпоху утрачивает стабильность и однолинейность, приобретая множественность, контекстуальность и медиатизированность. Субъект это уже не автономная сущность, а пересечение цифровых следов, профилей и алгоритмически производимых образов;

– цифровая культура характеризуется изменением логики смыслопроизводства. Вместо линейных нарративов – фрагментированные, сетевые структуры. Знание и культура становятся частями потока данных, в котором приоритетом является не глубина, а скорость и масштаб распространения;

– власть в цифровую эпоху носит децентрализованный, но всеобъемлющий характер. Она проявляется в архитектуре протоколов, алгоритмах модерации, видимости и фильтрации контента, что превращает цифровую инфраструктуру в инструмент биополитического регулирования;

– цифровое неравенство требует философского осмысления как нового типа социальной несправедливости, связанной не только с доступом, но и с участием в цифровом производстве. Речь идет не просто об «электронной грамотности», но и о правах на алгоритмическую субъектность;

– философия цифрового времени представляет собой попытку осмыслить бытие в условиях радикально измененной реальности, в рамках которой понятия истины, субъекта и культуры пересобираются в новых сетевых и технических конфигурациях, философию, ориентированную не на завершенность, а на гибкость, адаптацию и множественность.

В итоге цифровая инфраструктура представляет собой не только техническую базу, но и метафизический и этический вызов, с которым современная философия обязана вступить в полноценный и критический диалог.

Философия цифрового времени является не попыткой дополнить классическую социальную философию новыми темами, а становится необходимостью радикального переосмысления самих оснований философского мышления. Если в традиционных философских парадигмах социальность предполагалась как коммуникативная, пространственно укорененная форма, то в цифровом пространстве социальность становится распределенной, асинхронной, алгоритмизированной. Человек теряет устойчивую идентичность, приобретая множественные маски, квазисубъектности и цифровые следы, которые часто важнее его телесного и социального присутствия.

Цифровая инфраструктура вмешивается в процесс смыслопроизводства – от создания культурных текстов до интерпретации реальности. Контроль за алгоритмами, фильмами, платформами превращается в новую форму власти, в которой значение определяется не общающимися субъектами, а архитектурой интерфейса и невидимыми правилами цифровой среды. В этом контексте власть становится не репрессивной, а конструктивной, производящей сами условия того, что может быть воспринято как истина, реальность или значимость. Подобная «власть без субъекта» соответствует концепции биовласти М. Фуко и одновременно усиливает ее через повсеместность цифрового контроля.

Цифровое пространство также создает новые вызовы справедливости. Цифровое неравенство проявляется не только в доступе к технике, но и в способности интерпретировать, критически воспринимать и активно участвовать в цифровом производстве смыслов. Следовательно, философия цифрового времени требует не только онтологии и эпистемологии, но и этики, новой нормативности, адекватной реалиям информационного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – Москва: Добросвет, 2000. – 389 с.
2. Бурков В.Н., Буркова И.В. Цифровая экономика и умные механизмы управления // Управление проектами и программами. 2018. № 2. С. 118–124.
3. Кастельс М. Власть коммуникации: учебное пособие. – 2-е изд., доп. – Москва: Высш. шк. экономики, 2017. – 590 с.
4. Манович Л. Теории софт-культуры. – Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. – 208 с.

5. Орехов А.М., Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 1. С. 260–272.
6. Шляков А.В. Проблема цифровой идентичности. Свойства и риски // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. № 2. Т. 17. С. 100–115.
7. Фролова С.М., Листвина Е.В. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 408–412.
8. Benjamin H. Bratton *The Stack: On Software and Sovereignty*. MIT Press, 2016. – 528 с.
9. Galloway A.P. *Protocol: How Control Exists after Decentralization*. MIT Press, 2004. – 260 p.
10. Latour B. *Reassembling the Social*. Oxford University Press, 2005. – 381 p.
11. Virilio P. *Open Sky*. Verso, 1997. – 152 p.

УДК 37.022

**ИСТОРИЧЕСКАЯ РАБОТА КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ
ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН
«ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»,
«ИСТОРИЯ РОССИИ» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
МВД РОССИИ**

Таранова А.Е.,

кандидат социологических наук, доцент;

Агарков А.Ф.,

кандидат исторических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье обосновываются роль и значимость повышения воспитательного потенциала учебных дисциплин «Основы российской государственности», «История России» в системе ведомственного образования. Историческая работа, в силу интегрированного характера и идейного потенциала, рассматривается как фундаментальная основа моделирования содержания и педагогического сопровождения учебных дисциплин. Представлены задачи, направления и примерные формы использования ее средств в учебно-воспитательном процессе.

Ключевые слова: «Основы российской государственности», «История России», педагогическое сопровождение, историческая работа, образовательная организация МВД России.

HISTORICAL STUDY AS A BASIS FOR INCREASING OF EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE DISCIPLINES «FOUNDATIONS OF RUSSIAN STATEHOOD», «HISTORY OF RUSSIA» IN EDUCATIONAL ORGANISATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Taranova A.E.,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor;

Agarkov A.F.,

Candidate of Historical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of Russia)

Abstract: the article determines the role of the academic disciplines "Foundations of Russian Statehood", "History of Russia" in the system of departmental education. Due to its integrated nature and ideological potential, historical study is considered as a fundamental basis for modeling the content and pedagogical support of academic disciplines. The tasks, directions and exemplary forms of using its tools in the educational process are presented.

Keywords: "Foundations of Russian Statehood", "History of Russia", pedagogical support, historical study, educational organisation of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Актуальными направлениями подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к деятельности в особых условиях наравне с профессионально-прикладными являются социально-личностные, обеспечивающие формирование ценностно-мировоззренческих аспектов профессиональной надежности и субъектности. Значительный воспитательный потенциал в указанном ключе принадлежит учебным дисциплинам историко-мировоззренческой направленности («История России», «Основы российской государственности»). Их образовательной целью является формирование и развитие у обучающихся системы компетенций, ценностей, связанных с осознанием своей принадлежности к российской культуре, пониманием особенности исторического пути и цивилизационной роли Российского государства и способности на этой основе к осознанному воспроизводству гражданско-патриотических установок, целостного исторического мышления, выбора идентичности. Содержание учебных дисциплин напрямую отвечает требованиям компетентностного подхода на включение воспитательной составляющей в образовательный процесс.

Введение в образовательные программы вузов МВД России учебных дисциплин «Основы российской государственности» и «История России», в силу их междисциплинарно-интегративной цивилизационной направленности, рассматривается как одно из направлений усиления социально-гуманитарной подготовки будущих сотрудников полиции. Как отмечается, «в учебном курсе «Основы российской государственности»... больше внимания должно быть уделено базовым патриотическим факторам воспитания молодого поколения

граждан нашей страны, связанным с глобальной ролью и миссией России, проявившейся в отечественной истории девятнадцатого и двадцатого века и в полной мере раскрывшейся на современном этапе развития международной политики...» [1]. Воспитательный и мировоззренческий потенциал учебных дисциплин реализуется на основе антропологии истории и принципов цивилизационного подхода, определяющих их содержание и концепцию.

Актуальной является проблема разработки методической стратегии преподавания учебных дисциплин «Основы российской государственности», «История России». В свете того, что преподавание данных дисциплин в контексте формирования «новой» социально-гуманитарной образовательной стратегии было начато только в сентябре 2023 года, ее решение представлено в научных исследованиях пока недостаточно полно. Вместе с тем в научном сообществе намечаются следующие направления осмысления проблем преподавания новых учебных дисциплин – операционализация и концептуализация основных содержательных понятий учебного курса; проработка целевой направленности учебных дисциплин; определение методических аспектов применительно к новому учебному курсу [3]. При этом необходимо отметить, что проблема определения педагогической стратегии преподавания учебной дисциплины «Основы российской государственности» является наименее разработанной.

Т.А. Борзова, осмысливая методику преподавания нового учебного курса «Основы российской государственности», выделяет в качестве наиболее продуктивных проблемно ориентированный, контекстный, проектный, диалогический педагогические подходы, в соответствии с которыми осуществляется моделирование конкретных форм и методов реализации учебного материала на лекциях и учебных занятиях семинарского типа в соответствии со спецификой конкретной темы [2]. По мнению С.Ф. Шляпиной, педагогическое сопровождение учебной дисциплины должно быть направлено на развитие когнитивных, ценностно-смысловых оснований саморефлексии обучающихся, их духовного самоопределения [4]. Данных установок необходимо придерживаться при формировании методической основы преподавания учебной дисциплины «История России» в свете реализации ее новой концепции.

Специфика подготовки в образовательных организациях МВД России сотрудников полиции, являющихся по своим гражданско-патриотическим качествам, характеристикам исторического мышления лидерами гражданского общества, требует опоры на исторические образцы и традиции службы, их преемственность. Это обуславливает дополнительное внимание к мировоззренческим и воспитательным возможностям учебных дисциплин «Основы российской государственности», «История России», задачей которых в ведомственной образовательной стратегии становится воспитание гражданской и профессиональной идентичности, противостояние разрушению ценностной основы службы.

Авторами статьи на основе опыта преподавания учебных дисциплин «Основы российской государственности», «История России» с сентября 2023 года предпринята попытка определения фундаментального источника для расширения и конкретизации их содержания и диверсификации педагогических инстру-

ментов с учетом образовательных задач ведомственных вузов. В свете того, что для недопущения деконструкции образовательного пространства содержательное наполнение учебных дисциплин историко-мировоззренческого блока в образовательных организациях МВД России невозможно рассматривать вне системы воспитательной работы и реализации такого ее направления, как информационно-пропагандистская работа, принципами методического сопровождения и моделирования содержания учебных дисциплин становятся многовекторность, диалогичность, непрерывность, открытость, личностная и ценностная ориентированность, опора на средства исторической работы как интегрирующей междисциплинарной формы исследовательско-просветительской деятельности. В частности, большое внимание уделяется насыщению учебных дисциплин историческим учебным материалом через организацию работы в центральных и региональных исторических архивах по выявлению источников, раскрывающих проблемные вопросы формирования и развития кадрового потенциала органов внутренних дел на различных исторических этапах в разных регионах, героической роли органов и войск НКВД в годы Великой Отечественной войны, региональной и ведомственной истории в человеческом измерении. Архивные источники используются для конкретизации и антропологизации основных содержательных блоков учебных дисциплин на семинарах, в рамках организации проектной деятельности обучающихся, направленной на историческую реконструкцию, восполняющую «белые страницы» истории органов внутренних дел в контексте истории страны. Значимой для повышения образовательного потенциала учебных дисциплин, направленных на формирование исторического мышления у обучающихся, является воспроизведение исторической обусловленности и преемственности традиций и ценностей служебной деятельности. Данное направление педагогического обеспечения значимо в свете поиска средств повышения воспитательного потенциала учебных дисциплин «Основы российской государственности», «История России» для формирования личности сотрудника органов внутренних дел. В общесоциальном и профессиональном измерениях этому способствуют уроки героизма, мужества, патриотизма, верности Родине и долгу сотрудников органов внутренних дел, которые реконструируются и транслируются в рамках учебного материала учебных дисциплин посредством возможностей исторической работы.

Важным направлением внедрения средств исторической работы в систему педагогического сопровождения рассматриваемых учебных дисциплин, сформировавшимся в педагогической практике авторов, стало обеспечение преемственности дискуссионных вопросов отечественной истории и ценностной основы российской государственности, изучаемых в рамках учебных дисциплин в тематике лекториев «Гуманитарные основы национальной безопасности», «Семья – основа национальной безопасности», «Страницы истории российского сыска» и реализуемых в направлениях работы по предотвращению фальсификаций исторических событий и фактов, проводимых в рамках мероприятий воспитательной работы в вузе МВД России. Также эффективными для повышения воспитательного потенциала дисциплин стали формы работы, интегрирующие элементы учебной, историко-исследовательской, проблемно-

поисковой и проектной деятельности, в частности организация и проведение на учебных занятиях семинарского типа тематических круглых столов «Первооткрыватели Евразии», «Трудовой подвиг российского народа в переломные исторические периоды и трудовая слава России», «Герои», «Непобежденный Ленинград», «Курская битва в историко-культурной памяти»; выполнение обучающимися проектов в форме исторических реконструкций героического вклада народа в развитие государства в переходные периоды и достижение побед, содержания принципов правоохранительной деятельности, ценностей и традиций службы, традиционных ценностей российской цивилизации, отечественных политико-правовых ценностей.

Таким образом, значимость исторической работы для повышения воспитательного потенциала новых учебных дисциплин обусловлена необходимостью разработки методологической и идейной основы для развития историко-преемственных стандартов службы, систематизации деятельности, направленной на противодействие фальсификации исторических фактов и событий. Данная работа носит интегрированный характер и является стимулом для повышения плотности мировоззренческих материалов и применения проектных и поисковых методик в рамках преподавания учебных дисциплин «История России», «Основы российской государственности».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балахонский В.В. Возможности учебной дисциплины «Основы российской государственности» в формировании исторической и политической культуры сотрудников полиции в процессе обучения в образовательных организациях МВД России / Актуальные проблемы социальной философии: мат. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 21 июня 2024 г.). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 13–18.

2. Борзова Т.А. Приобщение студентов высшей школы к ценностным принципам русской цивилизации в рамках дисциплины «Основы российской государственности» // МНКО. 2023. № 4(101). С. 138–142.

3. Галлимулина Н.М., Вагаева О.А. Внедрение дисциплины «Основы российской государственности» в образовательный процесс высшей школы: восприятие обучающимися и методика преподавания // Концепт. 2024. № 4. С. 235–250.

4. Шляпина С.Ф. Модель педагогического сопровождения духовного самоопределения личности студентов как одна из основ проектирования курса «Основы российской государственности» // Вестник ЧелГУ. 2023. № 10(480). С. 79–85.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ В РАБОТАХ АМЕРИКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ ИСТОРИКОВ

Чесовская М.Г.,

кандидат исторических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье дается характеристика процессам, происходящим в современном англоязычном руссиеведении в течение последних трех десятилетий. Трансформация методологических подходов, совершенствование техники работы с источником и уход от конфронтационной модели взаимодействия с российскими историками стали основополагающими характеристиками современного зарубежного руссиеведения. «Архивная революция» способствовала расширению и углублению предметных областей исследования истории России.

Ключевые слова: зарубежное руссиеведение, методологическая эволюция, «ревизионистская» историография, «новая культурная история», Россия и Запад, проблема модернизации, гражданское общество.

SOME ISSUES IN RUSSIAN HISTORY IN THE WORKS OF AMERICAN AND BRITISH HISTORIANS

Chesovskaya M.G.,

Candidate of Historical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of Russia)

Abstract: the article describes the processes that have taken place in modern English-language Russian studies over the past three decades. The transformation of methodological approaches, the improvement of source-based research techniques, and the shift away from a confrontational model of interaction with Russian historians have become fundamental characteristics of modern foreign Russian studies. The "archive revolution" has contributed to the expansion and deepening of the subject areas of Russian history research.

Keywords: foreign studies of Russia, methodological evolution, "revisionist" historiography, "new cultural history", Russia and the West, the problem of modernization, civil society.

В условиях современного противостояния России и Запада в информационном пространстве все большее значение приобретает историческое знание. В сложившихся обстоятельствах профессиональные историки, отечественные и зарубежные, в полной мере должны осознавать всю полноту ответственности за

те нарративы, которые они транслируют в открытое информационное пространство, оказывающее существенное влияние на формирование исторического мировоззрения и гражданского самосознания самых разных общественных групп и политических элит.

За последние три десятилетия исследовательское пространство современного россиеведения, как отечественного, так и зарубежного, претерпело существенную трансформацию. Пересмотр прежних конфронтационных подходов к пониманию специфики истории России в зарубежной исторической науке был обусловлен рядом факторов, имевших место как в реалиях меняющегося современного мира, так и в самой исторической науке.

Поворотным пунктом объективной реальности стал распад Советского Союза – событие, которое не только изменило всю систему координат современного мира, но и побудило исследователей по-иному посмотреть на историческое прошлое нашей страны. Начиная с 1991 года в научных кругах современного зарубежного россиеведения воцарилась определенная «эйфория», следствием которой стал взрыв энтузиазма, порожденный «победой» в войне идеологий, в противостоянии с «тоталитарной империей», борьба с которой была основой теоретических подходов западных историков послевоенных десятилетий.

Исследовательский оптимизм стал следствием завершения холодной войны и падения идеологических преград, что способствовало «архивной революции» – открытости российских архивов и появлению возможности сотрудничества с российскими историками. Профессор Бирмингемского университета Морин Перри, одна из редакторов первого тома «Кембриджской истории России», прямо заявила о высокой степени «конвергенции» между российскими и западными историками в оценках ключевых событий истории России. Сближение методологических подходов исследователей, ранее дистанцировавшихся друг от друга в силу непримиримых идеологических противоречий, автор связала с изменением геополитической карты мира с «концом марксистских подходов к изучению истории» [6].

В то же время многие исследователи оказались не готовы полностью отказаться от складывавшейся десятилетиями в зарубежном россиеведении «методологической дихотомии» между сторонниками тоталитарной и модернизационной парадигм, между теориями, порожденными духом холодной войны (А. Улам, З. Бжезинский, М. Малия, Р. Пайпс и др.), и «социальными историками», опиравшимися на более объективную, как они считали, теорию модернизации (М. Раев, И. де Мадариага, Н. Рязановский, Р. Уортман и др.).

И хотя сама логика развития событий, завершившаяся исчезновением с политической карты мира огромной советской империи, способствовала методологической победе сторонников тоталитарной парадигмы, давно предрекавших падение советской системы, шанс на «второе рождение» получили их оппоненты – «ревизионистская» историография, предложившая методологические новации – «новую социальную и культурную историю», «лингвистический и антропологический поворот», влияние постмодернизма, «нарратив» и «дискурс» как новые подходы к пониманию «текста».

Именно по этой причине современное историческое россиеведение представляет собой результат развития именно этой части методологической дихотомии – «новой истории», истории «культурного кода», ментальности, цивилизационной идентичности, понимаемой посредством «дискурса» и семантики.

К основам методологии «новой истории» следует отнести: внушительную широту предметных областей исследования, стремление освободиться от идеологии, первостепенное внимание к человеку и его культуре, включение в орбиту исследования достижений других гуманитарных наук и, конечно же, особую «технику» работы с источником, с текстом, предполагающую его «дешифровку» изнутри, на «языке» оригинала. Все это открыло перед исследователями широкие возможности для всеобъемлющего пересмотра всей истории России – от истории древнерусской государственности до конца советской эпохи. Масштабность стоящих исследовательских задач предопределила доминирование проблемного подхода и компаративистики. Традиционные вопросы исторического прошлого России, всегда вызывавшие немалые споры, сегодня подвергаются переосмыслению, возникают новые исследовательские аспекты, призванные актуализировать и по-новому оценить прежние устоявшиеся суждения [4].

К одной из таких проблем относится проблема, носящая ярко выраженный цивилизационный характер, – взаимоотношения России и Запада. Устоявшаяся в западном россиеведении за послевоенные десятилетия трактовка о противопоставлении истории России и Запада как качественной характеристики, уводящей Россию от европейского пути развития, подвергается существенному переосмыслению. Так, в вышедшем в 2005 году сборнике «Россия в европейском контексте. 1789–1914. Член семьи» авторы проводят мысль о том, что Россия при всех своих особенностях – «типичная европейская страна», при этом доминирующим является мнение о том, что пришло время отказаться и от широко распространенного представления об «отсталости» России [1].

Интересной попыткой переосмысления прошлого России в русле новой культурной истории является статья профессора М. Меланкона «Взгляды России на настоящее и будущее. 1910–1914: что говорит нам пресса». Автор, изучив содержание более ста различных российских газет того времени, проанализировал то, как освещались представления русского общества о политике, правах человека, экономическом развитии, гражданском сознании в предвоенные годы. М. Меланкон констатирует, что об «особом русском пути», о «русской идее» не было и речи. Пресса и другие общественные дискурсы уделяли мало внимания проблематике «авторитарной власти», «темным массам» или «социальной фрагментации». По мнению автора, российское общество считало, что во всех сферах деятельности страна развивается в соответствии с западными, европейскими моделями [7].

В этом же сборнике немецкий историк Л. Хефнер, исследуя особенности гражданского общества в России начала XX века, проводит сравнительный анализ различных русских общественных организаций с европейскими и подчеркивает, что это сравнение не только не выявляет уникальности и отсталости России, но, напротив, показывает «быстрое развитие в стране буржуазной куль-

туры» [7].

Значительное место в методологической эволюции зарубежного россиеведения по-прежнему занимает теория модернизации. Существенной особенностью современного этапа эволюции модернизационной парадигмы является расширение временных рамок предметных областей исследования. Историки все чаще обращаются к более ранним историческим периодам, «углубляя» во времени модернизационную методологию. Значительное внимание уделяется реформаторской деятельности Петра I, при этом подвергается критике прежде аксиоматичное суждение о расколе России в ходе модернизации на просвещенную и непросвещенную, на отсталую и передовую страну. Сами оценки итогов деятельности первого российского императора выдержаны в более светлых тонах [2].

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что представления о Петре I как об «отце современной России» глубоко укоренилось не только в научных кругах как России, так других стран, но и в широком общественном мнении, создав предпосылки для своеобразного «культа Петра I» в сознании как профессиональных историков, так и обычных граждан, что в значительной степени «упрощает», по мнению западных историков, представление о пути страны к статусу «великой державы», снижает значение предшествовавших периодов [3].

В некоторой степени исправить сложившуюся ситуацию был призван сборник статей «Модернизация в Московии. Реформы и социальные изменения в России XVII века», вышедший в 2004 году. Авторы сборника, не отрицая значения роли Петра Великого в истории, стремятся показать его деятельность в ретроспективе, в широком историческом контексте, подчеркивая глубокую преемственность его преобразовательных программ с реформами предшественников. Дистанцируясь от принятых ранее критических оценок методов проведения реформ, авторы подчеркивают, что Московское государство позднего периода – это страна, ориентированная на «эффективность реформ», при этом отставание России от европейских стран вынуждало ее принимать различные меры, чтобы догнать своих соседей, в условиях сжатого в десятилетия, если не столетия, органического развития в относительно короткие кампании Россия должна была использовать «методы и средства, которые были уникальными» [5].

Таким образом, за последние три десятилетия традиционные для зарубежного россиеведения проблемы соотношения российской и западноевропейской цивилизаций и модернизации общества и государства претерпели существенную методологическую трансформацию. Теоретико-методологические новации, культурологический и антропологический дискурсы позволили современному поколению историков отойти от традиционных оценок и однозначно негативных коннотаций в понимании своеобразия исторического пути России и сформировать новые проблемные поля, которые ждут своего исследователя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Витале А. Российская государственность в сравнительной перспективе: русская традиция и западная модель государственного устройства // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 20–36.
2. Ким О.В. Военный фактор модернизации допетровской России в современной англоязычной историографии // Вестник ТГПУ. 2012. № 3(118). С. 81–85.
3. Куренкова Е.А. Проблема Российской средневековой истории в англо-американской историографии // Наука и современность. Исторические науки. 2013. № 20. С. 26–29.
4. Шевырин В.М. Переосмысление российской истории X – начала XX в. в зарубежной историографии / История России в современной зарубежной науке: сборник обзоров и рефератов. – Москва, 2010. С. 7–73.
5. Modernizing Muscovy. Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia / Eds. J. Kotilaine, M. Poe. L. – N. Y.: Routledge Curzon, 2004. – 489 p.
6. The Cambridge history of Russia. – Cambridge, 2006. Vol. 1: From early Rus' to 1689. – 777 p.
7. Russian and the West: A century of dialogue in painting, architecture, and the decorative arts. – DeKalb, 2007. – 246 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Войнов П.Н., Войнова Я.В.	Восточная философия и ее отношение к боевым искусствам	3
Волобуева Н.Д.	Феномен переходных периодов исторических эпох	8
Вородюхин С.Е.	Реформирование полиции в 1880-х годах	11
Долин В.А.	Кризис современного вселенского православия: реалии и перспективы	15
Ерыгин А.А.	Конституционно-правовые основы формирования высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации	20
Жегулин А.И.	Особенности психологической подготовки перед соревнованиями	25
Каверина Л.В., Шульженко Н.И.	Корпоративная газета как летопись истории образовательной организации МВД России	28
Колесников С.А.	Российская цивилизация в контексте вызовов и угроз (на примере разрушительных стратегий русской культуры Серебряного века)	32
Котарева О.В., Четверикова Е.С.	Законодательные требования юридической техники как фактор совершенствования качества действующего законодательства и повышения уровня правовой грамотности населения	38
Лукьянова И.Ю.	Правозащитная определенность – фундаментальное свойство конституционного ограничения прав и свобод личности в России	42
Лысенко В.А.	К вопросу об организации мест лишения свободы и борьбы с пожарами на Руси в IX–XVII веках ...	45

Назаров А.А.	Международное сотрудничество в сфере обеспечения безопасности и развития дорожного движения: системный анализ	50
Напольских И.М.	Взаимосвязь правовых и моральных ценностей в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»	54
Никулина А.С., Челядинов Д.В.	История становления института взаимодействия оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел	57
Новоселов Н.Г.	Правовое регулирование оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в первые годы советской власти	61
Радченко М.Л.	Тыл в годы великой отечественной войны: к вопросу о состоянии преступности среди несовершеннолетних	64
Скандаков И.П., Киданова Н.Л.	Теоретико-правовые аспекты пропаганды и контрпропаганды в контексте информационного противодействия	69
Сорокопуд М.С.	Цифровая инфраструктура и ее роль в формировании социальных и культурных условий	72
Таранова А.Е., Агарков А.Ф.	Историческая работа как основа повышения воспитательного потенциала учебных дисциплин «Основы российской государственности», «История России» в образовательных организациях МВД России	77
Чесовская М.Г.	Некоторые проблемы истории России в работах американских и британских историков	82

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

XI Путилинские чтения

Сборник материалов Всероссийского круглого стола,
28–29 мая 2025 г.

Редактор *Олейникова Е.А.*
Техн. редактор *Чернышева И.Ю.*

Подписано в печать 2025 Формат 60x90/16
Усл. печ. л. 8. Тираж 27 экз. Заказ № 57

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-641-6

